

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

ЗОКИРОВА ДИЛДОРА БАХТИЯРОВНА

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
КАТЕГОРИИ ОБРАЗНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание магистерской степени

Лингвистика № 5A120102 (английский язык)

**Работа рассмотрена
и допускается к защите
зав. кафедрой
к.ф.н. Галиевой М.Р
« ____ » _____ 2014**

**Научный руководитель:
ф.ф.н., доц. Джусупов Н.М.**

Ташкент – 2014

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Актуальные направления в современной лингвистике	
1.1 Когнитивная лингвистика: теоретические основы и базовые понятия....	9
1.2 Ключевые тенденции развития современной стилистики: когнитивная стилистика.....	17
1.3 Когнитивная семантика как новое лингвистическое направление.	24
Выводы.....	30
Глава 2. Образность как лингвистическая категория	
2.1 Образность как объект лингвистического исследования.....	32
2.2 Ключевые отличительные признаки образности как лингвистической категории.....	35
2.3 Основные типы образности.....	40
2.4 Метафорические модели как базовые образные структуры.....	44
Выводы.....	49
Глава 3. Лингвокогнитивные особенности функционирования образных средств в англоязычном художественном тексте	
3.1 Образная конструкция как модель познания действительности (на материале стилистического приема сравнения).....	50
3.2 Актуализация образности в пространстве художественного текста.....	53
3.3 Метафорические образные модели как средства моделирования концепта в художественном тексте.....	57
3.4 Когнитивно-семантические компоненты метафорической образности фразеологических единиц в художественном тексте.....	61
Выводы.....	68
Заключение	70
Литература	74

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена исследованию реализации категории образности в англоязычном художественного тексте в свете применения положений и принципов когнитивного подхода к языку. Основу диссертационной работы составляет взаимодействие теоретических и практических положений общей стилистики, когнитивной стилистики, когнитивной семантики, лингвистики текста и семиотики.

В рамках лингвистических исследований проблема образности всегда являлась одной из наиболее актуальных и дискуссионных.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена следующими ключевыми положениями:

1) пристальным вниманием ученых к изучению особенностей реализации лингвистических категорий в художественном тексте, в частности специальному рассмотрению структурно-семантических, стилистических и функциональных аспектов выдвижения образных средств как когнитивно релевантных единиц текста;

2) специальное изучение семантико-стилистических и функциональных особенностей категории образности в художественном тексте в свете применения положений и принципов когнитивизма обеспечивает получение наиболее эффективных и объективных результатов, непосредственно связанных с проблемами реализации принципов междисциплинарности и антропоцентризма, соотношением языковых и внязыковых структур знания.

3) проблема категории образности как в лингвистическом, так и литературоведческом отношениях, на сегодняшний день еще не получила достаточно полного и исчерпывающего рассмотрения. В данной области филологических исследований наблюдается множество дискуссионных вопросов, касающихся трактовки категории образности, ее научного статуса, структурно-семантического содержания, когнитивных механизмов формирования и особенностей восприятия.

Степень изученности проблемы. В системе филологических исследований художественного текста имеется уже достаточно большой опыт изучения категории образности как в свете лингвистического (лингвостилистического, семантического), так и литературоведческого подходов. В изучении образности выделяется целый ряд теоретических концепций, точек зрения и подходов [Гальперин 1977; 1981; Потебня 1989; Лосев 1982; Блинова 1983; Юрина 2005; Залевская 1999; Арутюнова 1998; Никитин 1996; Миллер 1990; Лукин 1999; Гаспаров 1996; Апресян 1995; Дэвидсон 1990; Архипов 2001; Сковородникова, Копнина 2003; Виноградов 1963; Москвин 2006; Эпштейн 1987; Кубрякова 1996; Яковлев 2005 и др.]. Однако, несмотря на этот, многие аспекты в исследовании категории образности продолжают носить неоднозначный и дискуссионный характер. Данный факт, главным образом, объясняется тем, образность как языко-речевое явление отличается комплексностью и многогранностью своего структурного содержания и функционирования.

Объектом диссертационного исследования являются средства реализации категории образности в англоязычном художественном тексте.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные особенности реализации категории образности в англоязычном художественном тексте.

Материалом исследования послужили художественные произведения англоязычных авторов. В работе рассматриваются примеры образных средств, отобранных методом сплошной выборки. Средства реализации образности проанализированы в соответствии с целью и задачами исследования по выявлению их лингвокогнитивных особенностей.

Целью диссертационного исследования является изучение лингвокогнитивных особенностей реализации категории образности в англоязычном художественном тексте.

Цель исследования определяет постановку и решение следующих **ключевых задач**:

- системный и планомерный анализ теоретических основ и базовых понятий когнитивной лингвистики;
- теоретическое описание ключевых тенденций развития когнитивно-стилистических исследований;
- освещение теоретических положений и актуальных вопросов когнитивной семантики;
- специальное рассмотрение категории образности как объекта лингвистического исследования;
- анализ и описание ключевых отличительных признаков образности как лингвистической категории;
- анализ и описание типологических особенностей образности;
- описание метафорических моделей как базовых образных структур;
- рассмотрение проблемы образного сравнения как модели познания действительности;
- анализ и описание особенностей актуализация образных средств в пространстве художественного текста;
- комплексный интегрированный анализ метафорических образных моделей как средств моделирования концепта в художественном тексте;
- выявление и описание когнитивно-семантических компонентов метафорической образности фразеологических единиц, репрезентированных в художественном тексте.

Методы исследования. В диссертационной работе использованы следующие методы исследования: метод системного описания, структурно-семантический метод, семантико-стилистический метод, контекстуальный метод, метод концептуального анализа.

Методологическую базу диссертационного исследования составляют исходные теоретические положения в области когнитивной лингвистики (Е.С.Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Р.Джекендофф и др.), лингвостилистики (Ш. Балли, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд и др.), лексической семантики (В.Н. Телия, Н.Д.

Арутюнова, Ю.Д. Апресян и др.), семиотики (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Ч.Пирс и др.);

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней предпринята попытка лингвокогнитивного исследования структурно-семантических, стилистических и функциональных особенностей образных средств, актуализированных в англоязычном художественном тексте.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что образность трактуется как когнитивно релевантное явление языка и речи, отличающееся комплексностью и многогранностью своего структурного содержания и функционирования, особым стилистическим потенциалом и способностью к репрезентации сложного набора языковых и внеязыковых структур знания.

Теоретическая значимость научного исследования определяется эффективностью и перспективностью исследования категории образности в ракурсе положений и принципов когнитивного подхода к языку. Материалы и результаты исследования способствуют более глубокому пониманию лингвокогнитивной природы образности, закономерностей ее формирования и разработке новых методических приемов лингвистического анализа образных средств, актуализированных в художественном тексте.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения материалов и результатов исследования в учебном процессе вуза: при разработке и проведении лекций и семинаров по стилистике и интерпретации текста, лингвистике текста, сопоставительной стилистике; в процессе чтения спецкурсов и спецсеминаров, посвященных актуальным проблемам когнитивной лингвистики, лингвостилистического анализа художественного текста; при написании курсовых и квалификационных работ.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы обсуждены на заседаниях кафедры общего языкознания, кафедры лингвистики и английской литературы, а также кафедры стилистики

английского языка Узбекского государственного университета мировых языков. По теме исследования опубликованы две научные статьи:

1. Зокирова Д.Б. К вопросу о лингвистическом исследовании категории образности (общелингвистический и лингвокогнитивный аспекты) // Хозирги замон тилшунослигида когнитив лингвомаданиятшунослик ва гендер тилшунослиги йўналишларига доир масалалар. – Тошкент: ЎзДЖТУ, 2013. - С. 138 - 141.

2. Зокирова Д.Б. К проблеме типологии образности в художественном тексте / / Замонавий тилшунослик, адабиётшунослик, таржимашунослик ва хорижий тиллар ўқитишнинг муаммолари.- Тошкент: ЎзДЖТУ, 2014. - С. 61-65.

Структура диссертационной работы. Цель и задачи исследования, последовательность их решения определили структуру работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы составляет 82 страниц печатного текста.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, материалы и методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава I диссертационной работы посвящена описанию теоретических основ исследования, в частности рассматриваются ключевые положения когнитивной лингвистики, освещаются актуальные проблемы когнитивно-семантических и когнитивно-стилистических исследований.

В **Главе II** содержится обзор теоретических вопросов, связанных с трактовкой категории образности в филологических исследованиях. Отдельное внимание уделяется описанию ключевых отличительных признаков образности как лингвистической категории. Вместе с тем, рассматриваются основные типы образности и проблема метафорических моделей как базовых образных структур.

Глава III диссертационного исследования посвящена изучению лингвокогнитивных особенностей функционирования образных средств в англоязычном художественном тексте. На основе анализа произведений британских и американских авторов рассматриваются особенности актуализации образности в пространстве художественного текста. Также анализируются метафорические образные модели как средства моделирования концепта. В заключительном параграфе рассматриваются когнитивно-семантические компоненты метафорической образности фразеологических единиц, репрезентированных в художественном тексте.

Заключение содержит обобщения и выводы, сделанные по итогам исследования.

Список использованной литературы включает 99 наименований.

ГЛАВА 1

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1 Когнитивная лингвистика: теоретические основы и базовые понятия

Когнитивная лингвистика – это лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации [Кубрякова, 1996:53].

В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации. Объектом когнитивной лингвистики является язык в действии. Предмет же её исследования определяется в разных источниках по-разному. В «Очерках по когнитивной лингвистике» З.Д. Попова и И.А. Стернин, суммируя различные точки зрения, приходят к выводу, что предмет когнитивной лингвистики – особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков [Попова, Стернин 2004: 48].

Базовое положение когнитивной лингвистики – это идея о том, что «поведение и деятельность человека определяются в значительной степени его знаниями, а языковое поведение – языковыми знаниями» [Маслова, 2004: 21].

Данное лингвистическое направление зародилось в США, во второй половине 70-х гг., где его чаще называли «когнитивной грамматикой». В 1975 термин «когнитивная грамматика» впервые был введен в статье Дж. Лакоффа и Г. Томпсона «Представляем когнитивную грамматику». В российской научной литературе встречается термин «когнитивная семантика», связанный с традицией использования исследовательских

данных в отечественной лингвистике. Базовыми работами по когнитивной лингвистике, появившимися в 80-х гг. XX века являются «Основания когнитивной грамматики» Р. Лангакера (1987), «Женщины, огонь и опасные предметы» Дж. Лакоффа (1989) и «Тело в мышлении» М. Джонсона (1989). Хотя родиной когнитивной лингвистики считаются США, в Европе также существуют собственные школы когнитивной лингвистики, к которым относятся, прежде всего, австрийская и немецкая (В.-А. Либерт). Многие ученые не причисляли себя напрямую к когнитивному направлению, хотя их работы внесли важный вклад в становление когнитивной лингвистики (В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, В.Н. Телия, И.А. Стернин, Е.С. Яковлева и др.). Эти исследователи придавали большое значение связи языка с психологическими особенностями человека, выделяли антропологический подход в качестве основополагающего в лингвистике.

В результате развития когнитивной лингвистики возникла необходимость обобщить и структурировать накопленные данные, определить терминологическую базу исследований. Такой обобщающей работой стал «Краткий словарь когнитивных терминов» (1996), в создании которого принимали участие такие выдающиеся ученые как Е.С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина.

Современная когнитивная лингвистика включает в себя множество направлений, каждое из которых имеет свои методы исследования и собственную терминологическую базу, более или менее сходную в рамках общей когнитивной парадигмы. В целом когнитивная лингвистика до сих пор находится на этапе своего становления, более того, «область когнитивных исследований еще окончательно не сложилась» [Кубрякова, 1996:54]. Все это определяет существование некоторых проблем, особенно касающихся терминологического аппарата исследований. В своей статье, посвященной проблемам ключевых терминов когнитивной лингвистики, З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают существующее «злоупотребление модной когнитивной терминологией без определения ее содержания. Такие понятия

как «концепт, концептуализация, когнитивный, концептосфера, языковое сознание, менталитет» так и мелькают на страницах лингвистических сборников, что носит скорее лозунговый, чем конкретно-лингвистический характер. Это ведет к теоретической эклектике. Содержание понятий расплывается, лишается всякого смысла, не ясен ни конкретный предмет, ни инструмент или метод исследования». [Попова, Стернин, 2004:48]. Несмотря на существование различных методов когнитивного исследования, некоторые ученые (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский) отмечают, что в рамках когнитивных исследований еще не появились работы, «которые содержали бы в эксплицитном виде комплекс методологических оснований когнитивного подхода к языку» [Баранов, Добровольский, 2001:95]. Более того, даже само понятие «когнитивный» вызывает некоторые сомнения у ряда исследователей: Е.С. Кубрякова говорит о «некоторой неясности и расплывчатости самого термина «когнитивный» [Кубрякова, 1999:4], а Р.М. Фрумкина считает, что «термин «когнитивный» размыт и почти пуст» [Фрумкина, 2001: 55].

В связи с этим мы считаем целесообразным определить категориально-понятийный аппарат данного исследования во избежание возможных расхождений в понимании терминов.

Ключевым термином когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, считается когниция. В.З. Демьянов определяет **когницию** как «формируемую и миропреобразующую силу» [Демьянков, 1994: 25]. По мнению Н.Н. Болдырева, **когниция** – это «обыденное познание, связанное со спецификой восприятия, накопленным опытом и знаниями» [Болдырев, 2000:19].

Когниция – основное понятие когнитивной лингвистики, оно охватывает знание и мышление в их языковом воплощении, а потому когниция, когнитивизм оказались тесно связаны с когнитивистикой. Сейчас уже стало аксиомой, что во всем комплексе наук о человеке в первую очередь сталкиваются отношения между языком и другими видами

человеческой деятельности. Язык в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию человеческого поведения [Маслова, 2005: 8-9].

Именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам, не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому что «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [Кубрякова, 1997:21].

В настоящее время многие когнитологи считают, что когниция - это сокращенное обозначение для понятия когнитивной обработки и переработки информации, но если раньше к этому добавляли, что этот процесс заключается только в достижении знания в виде репрезентаций и манипуляций с ними, то сегодня когницию не сводят исключительно в эти операции и ее исследование приобретает более широкий характер. К тому же к изучению когниции сегодня считают необходимым привлекать факторы эволюции человека, факторы культурологического порядка, социальных отношений и т.п [КСКТ 1996].

Картина мира – то или иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, которое сформировалось у него в результате жизненного опыта [Колшанский, 2005: 20].

Картина мира – реальность человеческого сознания. Мировидение каждого народа складывается в картину мира. Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира. Отсюда следует, что менталитет любого лингвокультурного сообщества обусловлен в значительной степени его картиной мира, в которой репрезентированы мировидение и миропонимание её членов.

Понятие картины мира (в том числе языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и

среда в их взаимодействии, то картина мира –результат переработки информации о среде и человеке.

Картина мира также определяется как «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик, 2002: 104].

Самый важный способ формирования и представления знаний о мире – это язык. Именно в языке человек фиксирует результаты познания объективного мира. Выраженные в языковой форме, эти знания представляют собой то, что различные исследователи называют «языковой репрезентацией мира», «языковой моделью мира», «языковой картиной мира». В связи с тем, что в языке закрепляется общественное сознание, тексты, как результаты мыслительной деятельности содержат понятийное богатство разума [Колшанский, 2005: 27].

Первостепенное значение в исследованиях по когнитивной лингвистике отводится концепту. Существует множество определений концепта, что связано с его многомерной природой; в сложную структуру концепта входит не только понятийная основа, но и социальная, психическая и культурная составляющие, которые включают эмоции, ассоциации, коннотации, присущие данной культуре. Исследованиями концепта в когнитивной лингвистике занимаются Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, Ю. С. Степанов и др. Одно из наиболее ранних определений концепта было дано А. Вежбицкой в книге «Lexicography and conceptual analysis» (1985): концепт – это «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» [Вежбицкая, 1996: 11]. Концепты необходимо отделять от смежных терминов *понятие* и *значение*. Понятие – это совокупность существенных и необходимых признаков, в то время как концепт включает в себя и несущественные признаки. Значение является единицей семантической системы, семантического пространства языка, а концепт – это единица концептосферы, ментальной сферы человека. Значение своими системными семами передает определенные признаки,

образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта [Попова, Стернин, 2001:59].

В.А. Маслова, анализируя различные варианты определения термина «концепт», приходит к выводу, что «концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры. Концепт, отражая этнические мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия». Но в то же время это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным, народным опытом человека. Он окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова, 2005:47]

Следовательно, концепт многомерен, в нём можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное.

Неоднозначность, многомерность самого понятия «концепт» определяет множество подходов к его изучению. В настоящее время существуют психологический, логический, философский подходы к изучению концепта. В современной лингвистике принято выделять два основных направления в изучении концепта – это когнитивный и лингвокультурологический подход. В рамках *когнитивного* подхода концепт понимается как ментальное образование, когнитивная структура, на первый план выходят проблемы знания и познания, оперирования единиц сознания, соотношения языка и сознания (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин). При лингвокультурологическом подходе концепт понимается как культурное образование в ментальном мире человека, при этом подходе концепт также локализуется в сознании, но главная роль отводится его национально-культурной составляющей (Н.Д.

Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов).

Концепт является единицей или квантом структурированного знания. При этом концепт может быть как отдельным смыслом, так и целой концептуальной структурой, включающей другие концепты, которые могут подразделяться на несколько типов: конкретно-чувственный образ, представление, схему, понятие, прототип, пропозициональную структуру, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт и так далее [Болдырев, 2000: 36]. Все эти типы концептов различаются по степени абстракции от конкретно-чувственного образа к фрейму – объемному, многокомпонентному концепту, включающему в себя информацию о стереотипной ситуации. Сценарий, или скрипт, - это динамически представленный фрейм, последовательность этапов, эпизодов, разворачивающихся во времени [Болдырев, 2000: 36-38]. Базовой теорией фреймов в когнитивной лингвистике является теория М. Минского, которому принадлежит наиболее распространенное определение фрейма.

Фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов данных [Кубрякова, 1996: 188].

Это организация представлений, хранимых в памяти, структура знаний, информация об определенном фрагменте человеческого опыта. Данное знание включает: а) лексическое значение, б) энциклопедическое знание предмета, в) экстралингвистическое знание [Маслова, 2004: 60]. Родственные фреймы связаны фреймовыми системами.

Фрейм – это представление обычной ситуации в виде набора слотов. Каждый слот представляет некоторый тип информации, релевантный для описываемого фрагмента действительности.

В отношении термина *frame* необходимо сделать одно отступление: он также используется в теории метафоры, где обозначает, впрочем, совсем

другое явление, хотя и представляющее для нас интерес. Например, Макс Блэк понимает под «рамкой» («frame») определенный компонент метафоры – своего рода каркас из слов, «из которых хотя бы одно употреблено в буквальном смысле» (к этому близко понятие «рамки», например, в нейролингвистическом программировании - контекст или набор контекстов; отсюда «рефрейминг» - изменение контекста при сохранении содержания). В рамке выделяется так называемый «фокус» (focus) метафоры – слово с небуквальным значением. Исследователь на конкретных примерах показывает, как изменяется характер взаимодействия (interplay) элементов данной двухкомпонентной структуры при их замене. Чтобы объяснить причины этих изменений, М. Блэк [Black 1962:28-29] представляет метафору как набор компонентов (слово/выражение, рамка, значение слова в рамке, главный субъект утверждения, описанного словом, вспомогательный субъект, о котором сделано утверждение, связанные с ним системы импликаций и т.д.). Таким образом, исследователем обозначена сложная, «фреймоподобная», структура из элементов как текстуальных (слова), так и нетекстуальных (их значения, смыслы). Можно сказать, что в ней просматриваются две оппозиции: уже упоминаемая focus–frame, а кроме неё – tenor (образная часть)–vehicle (смысловая часть); иногда в науке эти оппозиции отождествляют. Считается, что оппозиция tenor– vehicle(агент –референт) введена А. А. Ричардсом [Шелестюк 2001:125], и, хотя М. Блэк критикует эти термины за неконкретность, в современной лингвистике к ним прибегают достаточно часто, вспомним уже упомянутую работу В. Л. Наера [Наер 1999].

Слот – это элемент ситуации, который включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации [Чудинов, 2003: 71].

Каждый слот хранится с некоторым определенным значением, однако эти значения могут заменяться при работе со слотами. При этом слот может содержать информацию об условиях его заполнения. Часто такое заполнение

представляется как подфрейм или субфрейм – вложенный фрейм [Кубрякова, 1996: 189].

Таким образом, мы определили базовые понятия, использующиеся в когнитивной науке на современном этапе, по возможности указав интерпретацию, в которой эти термины используются в рамках данного исследования.

1.2 Ключевые тенденции развития современной стилистики: когнитивная стилистика

Развитие когнитивной лингвистики положило начало формированию таких дисциплин как когнитивная семантика, когнитивная грамматика, когнитивная стилистика и т.д. Когнитивная стилистика рассматривает порождение и восприятие языкового текста как конструктивную деятельность субъекта, осуществляемую на основе знаний форм и способов выражения человеческой субъективности в определенных системах ценностей и прежде всего в формах деятельности сознания человека. ”Её основная задача заключается в исследовании внутренних, ментальных репрезентаций, с помощью которых информация перерабатывается в знание” [Брандес 2004:73].

Когнитивная стилистика начала формироваться как самостоятельное направление исследований в середине 90-х годов 20 века, тем не менее считается, что именно работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона “Metaphors We Live by” (1980) легла в основу формирования когнитивной стилистики. В этой книге авторами была предложена теория изучения метафоры с когнитивной точки зрения [Lakoff, Johnson 1980]. Исследование вызвало большой интерес в лингвистическом обществе и в итоге изменило научный взгляд на традиционное представление о стилистике.

На протяжении десятилетий вопросы когнитивной стилистики были изучены в работах таких лингвистов, как Г.Г.Молчанова[Молчанова 2001],

Д.У. Ашурова [Ашурова 2003;2005], Л.Г. Лузина [Лузина 2000], Н.М. К. Узбер [Weber,1996] , К.Уэльс [Wales,2001], К. Эммот [Emmot,2002], Е.Семино, Дж. Кальпепер[Semino, Culpeper 2002] и др. Но несмотря на проведенные исследования, когнитивная стилистика остаётся все еще недостаточно исследованной областью стилистических исследований.

Сложность когнитивного аспекта стилистики в первую очередь определяется особой спецификой рассмотрения стилистических проблем через призму их корреляции с когнитивными процессами и категориями.

По мнению Л.Г. Лузиной, “когнитивное направление в стилистике в самом общем виде можно представить как объединяющие исследования двух типов: 1) исследования, разрабатывающие общие положения теории стилистики на базе когнитивной лингвистики; 2) исследования, представляющие когнитивное обоснование стилистическим приёмам и построениям выразительным средствам языка , традиционно относимым к сфере стилистики “ [Лузина 2000: 208] . Также Л. Г. Лузина отмечает то, что “для когнитивного обоснования основополагающих понятий стилистики большое значение имеет то обстоятельство, что эти понятия оказались вовлечёнными в рассмотрение проблем, имеющих важное значение для когнитивной лингвистики (понимание и интерпретация текста, интенции и цели говорящих/пишущих, выбор языкового выражения, кодирование и декодирование стилистической информации и др.)” [Лузина 2000: 208].

Одной из важных исследований в области когнитивной стилистики является работа Е. Семино и Дж. Кальпепер [Semino,Culpeper2002]. В работе представлены когнитивные интерпретации стилистических явлений на материале художественных текстов различных жанров. Важность этого исследования заключается в том, что исследователи изучали когнитивную стилистику, основываясь на когнитивную науку и стилистическую теорию.

Как отмечают Е. Семино и Дж. Кальпепер, различие между когнитивной стилистикой и традиционной стилистикой заключается в том, что в традиционном стилистическом анализе художественного текста

используются лингвистические теории или структуры в целях объяснения или предсказания интерпретации. Анализ в рамках когнитивной стилистики отличается тем, что лингвистический анализ в системном отношении основан на теориях, которые соотносят выбор языковых средств с когнитивными процессами и структурами [Semino, Culpeper 2000:IX].

Рассматривая когнитивную стилистику К. Гамильтон полагает, что именно связь с когнитивной наукой служит основообразующим фактором когнитивной стилистики. Исходя из этого К. Гамильтон обращает наше внимание на то, что как и когнитивная теория лингвистики так и когнитивная психология чтения имеют прямое отношение к когнитивной стилистике [Hamilton 2006: 58].

Однако противоположная мысль была высказана К. Стином, который относит когнитивную стилистику к сфере когнитивной психологии чтения и мотивирует эту позицию тем, что для когнитивно-стилистического анализа необходимо принятие определённой схемы (framework) обработки текста, что в свою очередь может быть выявлено именно в аспекте психологии чтения [Steen 2000].

Как видим, данная точка зрения ограничивает когнитивный анализ стилистической природы текста исключительно положениями когнитивной психологии чтения. В этой связи следует заметить, что процесс стилистического анализа в русле когнитивных принципов, носит комплексный мультидисциплинарный характер, теоретической базой которого являются именно лингвокогнитивные положения, т.е лингвистические данные в сочетании с когнитивными структурами. Поэтому когнитивно-стилистический анализ исходя из цели и задач исследования может учитывать данные когнитивноориентированных разработок из различных областей знания, в том числе психологии, философии, семиотики и т.д. [Джусупов 2011:87].

Одной из дискуссионных вопросов в когнитивной стилистики является исследование стилистических приёмов и выразительных средств языка.

[Лузина 2000; Молчанова 2001; Ашурова 2005; Steen 2000; Джусупов 2006а; 2006б; 2010; Freeman 2002]. Несмотря на то, что стилистические приёмы были изучены в рамках традиционной стилистики, остается множество вопросов, которые не были изучены через призму процессов когниции и коммуникации. Всё это объясняется развитием междисциплинарного подхода в лингвистике, в частности внедрением идей и принципов когнитивизма, в результате которого на первый план выдвигается вопрос о возможности более расширенного и интегрированного по характеру исследования стилистических ресурсов [Джусупов 2011:87]. По наблюдению Д.У. Ашуровой, недостаточность анализа стилистических приёмов в традиционном ракурсе “не обеспечивает проникновение глубинную структуру стилистического приёма, представляющую совокупность ментальных, мыслительных процессов постижения неких структур знаний и построение концептуальной картины мира “[Ашурова 2005: 8]. На основании этого, профессор Д.У. Ашурова акцентирует внимание на том очевидном факте, что “возникла необходимость создания целостной концепции стилистического приёма как особой структуры репрезентации знаний “ [Ашурова 2005: 8].

Продолжая мысль о необходимости когнитивного обоснования стилистических приёмов, Г.Г. Молчанова считает, что особенность когнитивного подхода , в частности к изучению метафорических переносов, заключаются в новом подходе к механизму создания метафоры , согласно которому “ важен не непременно “ общий семантический компонент двух сравниваемых объектов “, а разнообразие и сложные формы взаимопроникновения концептуальной, языковой и художественной(литературной) сфер “ [Молчанова 2007: 34].

Важнейшим аспектом когнитивно-стилистических исследований считается проблема организации информации в тексте. Это объясняется специальным рассмотрением проблемы информации, в частности процесса языковой обработки информации в рамках когнитивной лингвистики.

Причём информация изучается на основании центральной проблемы когнитологии – феномена знания (структуры знания) [Джусупов 2011:89]. Процесс когнитивной обработки информации можно описать в виде модели (модели переработки информации), иллюстрирующей логику протекания когнитивных процессов в ходе извлечения смысла из воспринимаемых информационных фактов на психологическом уровне. Рассматривая выбор информации как когнитивный процесс, Л.Г.Лузина считает, что интерес для стилистики по данному вопросу представляется в связи со следующими двумя аспектами: “ 1) выбором информации для осуществления референции к объекту; 2) выбором информации для её упорядоченного представления при порождении текста “ [Лузина 2000: 209].

Исследование принципов организации информации в процессе интерпретации текста связано с рассмотрением таких ключевых проблем когнитивной стилистики, как выдвижение, фигура-фон, инференция.

В когнитивной стилистике понятие выдвижения приобретает более глубокий и специализированный характер. В общем плане суть теории выдвижения состоит в том, что в речевой ткани текста концентрируются определённые языковые элементы (приёмы, схемы, фигуры), которые фокусируют внимание адресата и тем самым обеспечивают выделение наиболее важных смысловых компонентов информационной системы всего сообщения [Арнольд 2002; Кухаренко 1988; Лузина 1996б; Чейф 1983]. Для современных когнитивных исследований характерно внимание к психологическим аспектам выдвижения, также к той роли, которую выдвижение играет в процессах порождения и интерпретации текста. Психологическая реальность концепта [КСКТ 1996].

Как отмечает У.Л. Чейф, выдвижение связывается также с когнитивной процедурой отбора наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации: привлечение внимания к определенной части текста обеспечивает ее выдвижение на передний план в обработке информации [Чейф 1983]. Говоря о функциях выдвижения и его важной роли в

интерпретации языкового сообщения, нельзя не согласиться с тем, что выдвигание “направляет интерпретацию текста, активизирует не только знания, но и мнения, установки и эмоции, облегчает поиск релевантной информации, снижает потребность в больших объемах информации” [Лузина 1996б: 22]. Отсюда можно заключить, что в ходе когнитивно-стилистического анализа фигур выдвигания можно выявить целый комплекс образующих его общую когнитивную природу языковых и внеязыковых составляющих [Джусупов 2011: 90].

Наиболее близкими к явлению выдвигания оказываются понятия фигуры и фона [Лузина 1996е : 185-186]. Такие термины, как фигура-фон, пришедшие из гештальт-психологии, активно используются в когнитивной лингвистике и обозначают когнитивную и психическую структуру, которая характеризует человеческое восприятие и интерпретацию действительности и не сводится к совокупности ее частей [Лакофф 1981; Talmy 1978; Wallace 1982; Langacker 1987; Кубрякова и др. 1996].

Различие между фигурой и фоном заключается в том, что при восприятии любого дифференцированного поля одна из его частей инвариантно выделяется наиболее четко; эта часть называется фигурой, а все остальное – фоном [Кубрякова и др. 1996: 186]. Фон, на котором расположена фигура, воспринимается как непрерывный континуум. Исходя из такого принципа распределение информации, при анализе художественного текста можно выявить наиболее релевантные в контекстуальном отношении стилистически нагруженные фрагменты, которые способствуют получению полных и достоверных результатов относительно той или иной единицы текста.

По мнению В.З. Демьянкова, различие фигуры-фона, обусловленное их перцептуальными свойствами, могут быть применены как к произведению изобразительного искусства (рисунку, картине), так и к текстам: книжным, разговорным, массмедийным [Демьянков 1992: 65]

Явление инференции (семантического вывода) также привлекает внимание исследователей в области когнитивно-стилистических исследований текста. Важность инференции при анализе смысловой структуры текста основывается на признании того, что она (инференция) трактуется как “важнейшее условие конструктивной деятельности при понимании текста и построения его ментальной модели, осознание связности (когерентности) текста“ [Кубрякова 1996а: 33]. Следует отметить то, что особую теоретическую и практическую ценность проблема инференции приобретает в рамках когнитивного аспекта благодаря широкому использованию метода инференции [Прохоров 2006], как одного из эффективных способов решения вопросов, касающихся когнитивно-ориентированного анализа стилистических ресурсов текста. Как поясняет Д.У. Ашурова “в процессе инференции, основанном на сопоставлении и противопоставлении получены структуры знаний, выявляются дополнительные и концептуальные смыслы и делаются умозаключения о целостной концептуальной системе, определяющей в каждом конкретном случае когнитивную сущность стилистического приёма“ [Ашурова 2005: 8].

Исходя из содержания работ по проблемам когнитивной стилистики Н.М. Джусупов выделяет и рассматривает ряд важных задач, которые определяют начальный этап её становления и в целом перспективы дальнейшего развития:

- изучение стилистических приёмов и стилистически маркированных средств в тесной связи с когнитивными процессами и когнитивными структурами;
- изучение стилистических категорий, а также целого ряда теоретических и практических проблем стилистики текста, через призму их лингвокогнитивного обоснования и осмысления;
- исследование когнитивных механизмов выбора языковых средств в процессе порождения речевых сообщений с учётом их функционально-стилевой дифференциации;

- исследование проблемы трансляции стилистической информации (процессы выбора, обработки, кодирования и декодирования) в свете применения когнитивных теорий и принципов;
- специальное исследование стилистически релевантных текстовых явлений в аспекте применения ведущих когнитивных теорий и принципов;
- исследование моделей и стратегий восприятия, понимание и интерпретации текста сквозь призму выявления когнитивно- стилистических особенностей экспликации его смыслового потенциала;
- изучение когнитивных особенностей индивидуального стиля автора речевого произведения (идиостиля) ;
- исследование когнитивно-стилистических особенностей репрезентации структур знания (концептуальные структуры, фрейм-структуры) в текстах разных функциональных стилей [Джусупов 2011: 99].

Подводя итог параграфу мы считаем, что когнитивная стилистика дополняет достижения традиционной стилистики и является свидетельством того, что язык нужно изучать также через призму когнитивных процессов и категорий.

1.3 Когнитивная семантика

как новое лингвистическое направление

История развития лингвистики может быть описана как смена научных парадигм, каждая из которых характеризуется помимо всего прочего специфическим набором эвристик – исходных представлений об объекте исследования и допустимых способах его изучения (моделирования). Разумеется, различные парадигмы могут сосуществовать во времени, в этом случае имеет смысл говорить о более или менее отчетливых тенденциях. Сейчас мы переживаем период развития лингвистики, в котором заметно влияние когнитивной науки. Между тем основные принципы описания

явлений языка в когнитивной парадигме остаются неясными для большинства лингвистов. Это связано не в последнюю очередь с тем, что когнитивная лингвистика в целом ряде отношений очень близка традиционной [Баранов, Добровольский 1997: 11].

Объект исследования когнитивной лингвистики составляют такие основные проблемы, как исследование структур репрезентации знаний, и их концептуальная организация в различных когнитивных процессах (понимание, переработка, построение языковой информации) [Петров, Герасимов, 1988, С. 7], также описание и обоснование языковой способности (знаний языка) в качестве внутренней когнитивной структуры, динамики коммуникативного процесса как системы переработки информации [Wunderlich, Kaufmann, 1990, С. 223; По: Демьянков, Кубрякова, 1996. С. 53]. Развитие когнитивной лингвистики непосредственно связано с исследованиями в области семантики (когнитивной семантики). Становление когнитивного аспекта семантики обусловлено формированием совершенно иных подходов в изучении языковых структур представления знаний. Когнитивная семантика служит одним из основополагающих и определяющих факторов развития когнитивной лингвистики в целом, так как лингвокогнитивные исследования преимущественно направлены на изучение проблем языковой семантики.

Методы, свойственные когнитивной семантике, как правило, используются в лексикологических исследованиях таких учёных, как Леонард Талми, Джордж Лакофф, Дирк Гирартс и Брюс Уэйн Хокинс. Некоторые модели когнитивной семантики, такие как, например, модель Талми, учитывают в том числе и синтаксические структуры.

Подход к языковым явлениям с позиций когнитивной семантики осуществляется в настоящее время во многих областях лингвистики. Языковые данные выступают как материал для анализа и моделирование ментальных процессов: на их основе исследуются механизмы продуцирования и восприятия речи, взаимодействие говорящего и

слушающего, организация памяти и ее роль в процессе коммуникации. Как отмечает А. Ченки [Ченки 1996: 201], когнитивно ориентированные теории семантики должны изображать то, что действительно «происходит в нашем уме», т. е. быть психологически проверяемы.

Классические теории семантики, как правило, объясняют смысл языковых единиц с точки зрения необходимых и достаточных условий, смысл предложения с точки зрения истинных условий, а композицию с точки зрения пропозициональной функций. Каждое из этих объяснений тесно связано с другими. В соответствии с этими традиционными теориями, смысл отдельного предложения может пониматься как условие, при котором информация, содержащаяся в данном предложении, передается надлежащим образом. Между тем, теории в когнитивной семантике, как правило, строятся на доводе о том, что лексический смысл концептуален. То есть, смысл не обязательно является ссылкой на некий объект или отношение в реально существующем или потенциально возможном мире. Вместо этого, смысл соотносится с понятиями, находящимися в сознании и основанными на личном понимании.

Когнитивная семантика стремится бросить двойной вызов традиционным теориям: во-первых, она пытается объяснить смысл предложения способами, выходящими за границы теории явления-условия; и, во-вторых, она стремится выйти за рамки понимания смысла слова с помощью необходимых и достаточных условий. Обе вышеуказанные цели достигаются при помощи исследования концептуальной структуры.

В решении вопросов семантики нужно отметить работу Р.Джакендоффа, который дифференцирует два ограничения - когнитивное и грамматическое. «В соответствии с когнитивным ограничением существует уровень ментальной репрезентации, на котором информация, передаваемая с помощью средств естественного языка, сопоставляется с информацией, поступающей из различных органов чувств» [Jackendoff, 1983; Цит. по: Харитончик, 1992, С. 102]. Данный уровень ментальной репрезентации

называется концептуальной структурой, которая отождествляется с семантической структурой. Образование концептуальной структуры, в свою очередь, характеризуется совокупностью примитивных концептуальных (базисных) категорий (Вещь, Событие, Состояние, Действие, Место, Путь, Свойство и Количество), которые в соответствии с определенными правилами могут быть трансформированы в выражения более сложные по содержанию [Jackendoff, 1983; Харитончик, 1992, С. 102].

В рамках когнитивной семантики предложено несколько теоретических конструкторов; оценить их гибкость и долговечность сегодня ещё пока трудно, поэтому мы остановимся подробнее на их описательных возможностях.

Концепт (concept) занимает центральное место в когнитивной теории. Главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же – и это определяет то, что всякий концепт погружен в домены (domains), которые образуют структуру, ближе всего соотносящуюся с филлморовским понятием фрейма. Домены образуют тот семантический фон, из которого выделяется концепт. Идеология когнитивной семантики очень тесно связана с визуальными, образными представлениями – обычно концепты, как и другие теоретические конструкторы этой теории, рисуют. В качестве примера невизуального описания концепта обычно приводят всем известные списки свойств, характеризующих слова mother или bachelor (Дж. Лакофф). Отсюда ясно, что каждый домен содержит набор признаков (dimensions), каждый из которых, впрочем, сам может интерпретироваться как отдельный домен. Как кажется, эти признаки тем хуже организованы, чем менее исходное слово предикативно, но зато концептуальное описание глаголов привычно опирается на их ролевую структуру. Иногда над признаками, над ролевой структурой обнаруживается некоторая «надстройка» - Лакофф называет её «идеализированной когнитивной моделью» (idealized cognitivemodel –ИКМ). Это все наши представления об объекте сразу, в целом, некий

«нерасчленённый образ», который и порождает признаки, ролевую структуру и т.д. [Рахилина 2000: 4].

Теория языковых фреймов, разработанная Ч. Филлмором, пытается объяснить значение языковых единиц с точки зрения его отношения к их общепринятому пониманию, а не только с помощью теории явления-условия. Ч. Филлмор объясняет значение в целом (в том числе и значение лексем) с помощью языковых «фреймов». Под фреймом понимается любое понятие, которое может быть понято только в том случае, если также поняты остальные части более крупной концептуальной системы [Fillmore 1975: 125].

Фреймовые концепции позволяют моделировать понимание [Charniak 1982: 437]. Последнее приравнивается набору следующих действий: активация фрейма, выдвижение на первый план фрейма-кандидата и конкуренция фреймов. Начиная интерпретировать текст, мы активизируем определенную контурную схему, в которой многие позиции («слоты») еще не заняты. Более поздние эпизоды текста заполняют эти пробелы, вводят новые сцены, комбинируемые в различные связи - исторические, причинно-следственные, логические и т.п. Интерпретатор постепенно создает внутренний мир, с продвижением по тексту все больше конкретизируемый в зависимости от подтверждаемых или отвергаемых ожиданий. Этот внутритекстовый мир зависит от аспектов сцен, обычно (или никогда) в тексте эксплицитно не описываемых [Fillmore 1975: 125].

Теперь рассмотрим одно из самых сложных понятий в когнитивной семантике – *imageschema*; оно было введено М. Джонсоном в 1987 г. Джонсон употребляет термин образная схема (или образ-схема, *imageschema*) для такой схематической структуры, вокруг которой организуется наш опыт. Его понятие образной схемы восходит к понятию схемы у Канта, но отличается от него. Джонсон определяет образную схему следующим образом: «Образная схема – это повторяющийся динамический образец (*pattern*) наших процессов восприятия и наших моторных программ, который

придает связность и структуру нашему опыту» [цит. по: Ченки, 2002]. Джонсон не утверждает, что возможно составить список всех образных схем, которые используются в повседневном опыте, но предлагает частичный список из 27 образных схем, чтобы дать представление об их разнообразии.

В целом, образные схемы:

- не пропозициональны;
- не связаны только с одной формой восприятия;
- являются частью нашего опыта на уровнях восприятия, образности и структуры событий;
- обеспечивает связность человеческого опыта через разные типы познания, от уровня индивидуума до уровня общественных структур;
- являются гештальт-структурами (существуют как связанные, значимые единые целые в нашем опыте и познании) [Ченки 2002: 207].

В заключение необходимо подвести итог всему вышесказанному и сделать общий вывод. В рамках когнитивно-семантического подхода языковые данные выступают как материал для анализа и моделирования ментальных процессов: на их основе исследуются механизмы продуцирования и восприятия речи, взаимодействие говорящего и слушающего, организация памяти и ее роль в процессе коммуникации. Как отмечает А. Ченки [Ченки 1996: 201], когнитивно ориентированные теории семантики должны изображать то, что действительно «происходит в нашем уме», т. е. быть психологически проверяемы.

Когнитивная семантика основывается преимущественно на анализе языковых единиц в динамике, т.е. в речи, и опирается на экспериментальные данные. Она тесно взаимодействует с когнитивной психологией и традиционными психолингвистическими исследованиями.

Выводы

В настоящее время идет процесс развития и становления научной парадигмы, характеризующейся когнитивным подходом, в основе которого лежит переход к глубинному знанию, базирующийся на изучении предметно-познавательной деятельности людей, процессов восприятия, мышления, репрезентированных и систематизированных определенным образом в нашем сознании (ментальных структурах). Центральное место в когнитивной теории занимает изучение различных структур знания как единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания.

К настоящему времени когнитивная лингвистика представлена в мире несколькими мощными направлениями, каждое из которых отличается своими установками, своей областью и особыми процедурами анализа. Однако ряд различающихся между собой школ объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они в качестве структур знания отражают.

Лингвокогнитивное рассмотрение стилистических явлений в качестве особой структуры репрезентации знания в наибольшей степени способствует выявлению целого ряда аспектов их комплексного содержания и функционирования: прежде всего особенностей когнитивных процессов и различных механизмов их формирования, основных принципов и моделей трансляции стилистически релевантной информации, создания стилистического эффекта, а также корреляции языковых и внеязыковых структур знания.

Когнитивная семантика служит основополагающим фактором развития когнитивной лингвистики, так как лингвокогнитивные исследования преимущественно направлены на изучение проблем языковой семантики.

Для когнитивной семантики главной целью является описание структуры концепта, лежащего в основе и объясняющего название вещей закрепленными за ними в лексической системе языка именами; описание «идеи», «прототипа» определенного вида объектов.

ГЛАВА 2

ОБРАЗНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

2.1 Образность как объект лингвистического исследования: традиционный лингвистический и лингвокогнитивный аспекты

В общей системе лингвистических исследований категория образности всегда являлась одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем. Актуальность проблемы образности как сложного и неоднозначного языкового явления определяется прежде всего наличием целого ряда его как общелингвистических, так и частных лингвистических (стилистических, лексико-семантических) трактовок, выделением сложного комплекса типологических особенностей и структурно-семантических характеристик. Также особый интерес для исследователей представляют такие существенно важные аспекты понятия образности, как его связь с текстом и восприятием мира, многоплановость и мотивированность содержания.

По общему признанию ученых, образность в целом трактуется как особая лингвистическая категория, которая отличается комплексностью и многогранностью своего содержания и функционирования. По сути дела, данное обстоятельство служит главным объединяющим фактором среди большого числа собственно лингвистических определений образности. Что касается констатации других наиболее общих отличительных характеристик образности, то здесь наблюдаются определенные специфические черты, которые во многом продиктованы применением конкретного научно-исследовательского подхода к изучению образности на основе языкового и речевого видов фактического материала.

В настоящем параграфе мы вкратце рассмотрим ключевые положения как общих лингвистических трактовок, так и собственно лингвокогнитивного понимания проблемы образности. Такого рода интегральный характер рассмотрения в совокупности позволит нам вкратце представить общую

картину развития языковых исследований образности "от традиционно лингвистических трактовок к междисциплинарным (когнитивным)".

В широком смысле, образность понимается как «такое использование языковых средств, которое делает возможным чувственное восприятие абстрактного понятия, вызывая определенные (подчас весьма отдаленные) ассоциации между общим и частным, абстрактным и конкретным, общепринятым и фактическим» [Galperin 1977: 264; цит. по: Чес 2000:20].

Вместе с тем, И.Р. Гальперин в своем более позднем издании трактует образность как "языковое средство воплощения какого-либо абстрактного понятия в конкретных предметах, явлениях, процессах действительности и наоборот" [Гальперин 1981:75-76]. Исходя из вышеприведенных определений следует, что акцент ставится на таких когнитивных процессах, определяющих языковую природу образности, как восприятие и воплощение. Причем во втором определении исследователь делает выбор в пользу рассмотрения образности именно как "единицы воплощения абстрактного понятия".

Особенно важным представляется объяснение понятия образности в тесной связи с внутренней формой слова [Потебня 1989]. Исходя из положений В.Гумбольдта, А.А. Потебня определяет внутреннюю форму слова как «отношения содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1989:98] и тем самым трактует образ как самостоятельную единицу, как отличительное свойство слова, т.е. его внутренняя форма.

Многоплановый характер образности отдельно рассматривается в работах А.Ф. Лосева. Исследователь выделяет целый ряд характеристик образности (выразительный, зрительный и т.п.) и делает акцент на поэтической образности, называя ее «живописной». Образность определяется, как «поверхностно-плоскостная конструкция, которая привлекает наше внимание как вполне самостоятельная и самодовлеющая

данность и которая всегда является внешне чувственным выражением той или иной внутренне данной духовной жизни» [Лосев 1982:414-415].

Наиболее важными тенденциями в изучении проблемы образности являются ее рассмотрение с точки зрения лингвостилистического и лексико-семантического подходов. В аспекте лингвостилистического подхода образность понимается как неотъемлемое свойство текста (главным образом художественного текста). В ракурсе лексико-семантического направления образность изучается как семантический компонент лексической единицы (лексическая категория) [Блинова 1983; Юрина 2005].

Ключевыми предпосылками для изучения образности с точки зрения лингвокогнитивных положений, на наш взгляд, является ее рассмотрение в тесной связи с процессами восприятия мира и ментальностью. В целом современное лингвистическое исследование образности учитывает принципы и положения следующих ключевых направлений - психолингвистики, логического анализа языка и когнитивной лингвистики.

В рамках каждого из этих направлений предлагаются и разрабатываются различные понимания образности. В частности, психолингвистическая трактовка предполагает выделение такого понятия, как "ментальный образ" [Залевская 1999]. Согласно исследованию образности сквозь призму принципов логического анализа языка, предлагается понимание образа как особой "категории сознания" [Арутюнова 1998]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что специфика образа состоит в том, что он "объединяет данные поступающие по разным каналам связи человека с миром" [Арутюнова 1998: 315]. Вместе с тем, исследователь акцентирует внимание на ведущей роли зрительного восприятия, подчеркивая мысль о том, что образ при любых обстоятельствах является "зримым".

В свете когнитивного подхода к языку образность трактуется как "способ концептуализации, основанный на восприятии признаков объекта, при котором ведущим является зрительное восприятие". [Гольдберг 2013: 64].

Как следует из вышеприведенного определения, в лингвокогнитивной природе образности выделяются два взаимосвязанных процесса - концептуализация и восприятие. Данное положение наглядно подтверждает синтезированный и взаимодополняющий характер всех современных пониманий образности.

Как показывает обзор работ, посвященных комплексному исследованию стилистических фигур (в частности метафоры), когнитивный подход к изучению образности направлен именно на выделение различных механизмов, когнитивных структур (фреймы, ментальные пространства и др.) [Минский 1979, 1988; Филлмор 1988; Дейк 1988; Black 1962; Lakoff, Johnson 1980; Fauconnier, Turner 2002; Миллер 1990].

Таким образом, на основании вышерассмотренных положений относительно трактовки понятия образности и его отличительных особенностей, следует подчеркнуть, что образность представляет собой сложную когнитивную структуру, комплексное лингвистическое описание которой предполагает активизацию целого набора когнитивных процессов и категорий.

2.2 Ключевые отличительные признаки образности как лингвистической категории

Личность говорящего как субъект языка становится центром языкознания нового научного направления, поэтому языковая образность вызывает столь пристальный интерес у лингвистов. В фокус внимания попадает вопрос о месте образа при осмыслении лексического значения, о связи образности и метафоричности. Метафорические образования проявляются на когнитивном уровне, а категория образа, имеющая когнитивные корни, способствует компетентному толкованию результатов этого процесса на лексико-семантическом уровне. Поскольку сознание человека имеет неразрывное единство логического и образного восприятия и

отражения действительности, то можно сказать, что одна часть концептуальной информации привязана к языку, а другая часть представлена ментальными репрезентациями (образами, картинками).

Что касается образности, то она является необходимым свойством языка, поскольку образность обеспечивает понимание обозначаемого, что является непременным условием общения. Образные представления имеют, с одной стороны, индивидуальный характер, так как они неотделимы от личного жизненного опыта человека, а с другой - передают национальную, культуру, обычаи, стереотипы мышления, отражая древнейший способ осознания и членения действительности. Образы неотступно сопровождают языковую деятельность говорящих, но степень их осознанности и воплощённое в представлении все время варьируется. Они служат тем проводником, при помощи которого высказывание попадает в сферу деятельности интерпретирующей мысли говорящего, либо, наоборот, посредством которого мысль говорящего оказывается направленной на то, чтобы воплотиться в высказывании.

Если говорить о переносном значении многозначных слов английского языка, следует отметить, что образность не исчезает никогда. Представляется, что если бы образ исходного значения любого слова полностью стирался, то каждое переносное значение являлось бы омонимом и находилось бы уже за пределами многозначности.

В современной лингвистике за последние годы сформировалось понимание образности как лингвистической категории. Для решения этой проблемы сделано достаточно много. Выделены типы образной лексики, найдены методы её исследования. Под образностью понимается способность языкового знака выразить неязыковое содержание посредством целостного наглядного представления-образа. В качестве определяющих признаков образности описаны такие свойства семантики, как красочность, картинность, конкретность, соотносимые с мотивированностью и экспрессивностью, при этом имеется в виду, что разные слова обладают

разной степенью образности, разным образным потенциалом. Образность трактуется как полноправный компонент семантики слова, актуализирующий образные ассоциации (представления), связанные с определённым словом.

Образ общего имеет двойственный, промежуточный характер, диалектически примиряя в сознании единичное-конкретное и общее-отвлечённое. В силу этого его материальное воплощение допускает множественность трактовок. Воплощения единичного также множественны в силу многоаспектности самого единичного и его видения людьми. Образ единичного вариативен и в этом смысле оказывается множеством образов, поэтому к нему можно подходить с позиций образа общего [Никитин 1979: 184]. Можно сказать, что за конкретными значениями стоят более чётко выраженные образы в противопоставлении с абстрактными значениями. Абстрактность образа развивается по мере приложения слова к новым предметам, т.е. в процессе осмысления семантической структуры полисемантического слова. Здесь важно отметить, что непредметные явления интерпретируются в нашем сознании по образу и подобию мира артефактов.

Н.Д. Арутюнова отмечает нерасчленённый характер образа. Он связан с объектами действительности в большей мере, чем с категориями смысла. Автор полагает, что образ может присутствовать в сознании только при условии удалённости объекта из поля прямого восприятия. Будучи ориентирован на предметный мир, образ воспроизводит объект в его целостности. Основной источник образов - зрительное восприятие. Целостность образа включает в себя не только совокупность чисто внешних характеристик, но и определённые содержательные черты. Образ предполагает наличие содержания, изначально присутствующего или привносимого в объект. Образы большинства предметов существуют лишь «в принципе». Предполагается, что они служат целям идентификации индивидов и классов предметов. Образы в этом смысле бытуют в психологии, но в обыденной жизни не упоминаются. Практически не говорят об образах бытовых предметов, хотя мы их различаем, а следовательно, в

нашем сознании присутствуют их образы. Образу недостаточно облика предмета, ему непременно нужен смысл [Арутюнова 1998: 317]. Автор отмечает принципиальное различие между образом и метафорой, состоящее в том, что «образ не допускает категориальной ошибки, а Метафора возникает только в условиях нарушения категориальных границ». «Метафора применяет образ, сформированный относительно одного класса объектов, к другому классу или конкретному представителю другого класса: образ волка - к человеку, образ медведя - к - к Собакевичу» [Арутюнова, 1998: 323].

В когнитивной лингвистике принято различать целостный *образ* текста и *образ* как языковой компонент. По Дж. Миллеру, целостный визуальный образ («образ-в-памяти», *memory image*) мы создаем в процессе понимания с целью лучше запомнить содержание прочитанного [Миллер, 1990:238]. Такое понимание заставляет Дж. Миллера не просто разграничить образ и метафору, но и в некотором роде противопоставить их друг другу: в пространстве *концепта*, который формируется в том числе при помощи образа, метафора сперва производит впечатление «инородного тела»: читатель понимает, что, например, словосочетание «вырывать недостатки с корнем» не может быть понято буквально, если только перед ним не фантастическая сказка, где недостатки росли бы в огороде, как чертополох. Это своеобразный сигнал, который в текстологии сопряжен с понятием о сильных позициях в тексте [Лукин,1999:83], а в более поздних лингвистических работах, учитывающих когнитивный подход, назван *надлинейным выдвигением* [Псурцев, 2001: 99].

С традиционной точки зрения, при образовании метафоры два значения складываются или, наоборот, новое метафорическое значение вытесняет первоначальное. Исходя из этого, можно предположить, что сторонники этого взгляда ограничиваются лишь констатацией своих точек зрения. Одной из целей данного исследования является демонстрация на практическом материале того, как эти механизмы «семантической двуплановости»

функционируют, другими словами, как в сознании происходит «удержание» двух значений

В этой связи актуальные вопросы, волнующие лингвистов, состоят в том, каков характер исходного и конечного образов и к какой сфере значения относятся признаки, лежащие в основе переноса. Так, Б.М. Гаспаров говорит о том, «что чем ярче эффект, побуждаемый наложением одних образных представлений на другие, тем более яркой ощущается нами метафоричность» [Гаспаров 1996: 263]. О плодотворности идеи поиска мотивирующих образов, помогающих осмыслить переносные значения говорит Ю.Д. Апресян, полагающий, что у каждого говорящего образные представления имеют индивидуальный характер. Однако он предостерегает против видимой произвольности некоторых образов [Апресян 1995].

По мнению Д. Дэвидсона, метафора сохраняет свою образность: остаётся сама собой в результате изменения референции слова независимо от того, происходит это в первый или миллионный раз. Подтверждением данного положения дел может служить пример Д. Дэвидсона, утверждающего, что стертая метафора *he burned up* (он вспыхнул) не означает в точности то же самое, что когда-то означала живая метафора. В данное время это выражение обозначает лишь то, что человек был очень рассержен [Davidson 1990]. В связи с этим, И.К. Архипов высказывает возражение: «во-первых, опираясь на «состояние дел» в мире, более живую картину (но уже довольно мрачного свойства) можно вообразить только как сжигание соответствующего тела. Во-вторых, о какой точности смысла метафоры можно говорить вообще? Они создаются не для этой цели. В-третьих, не пытаясь отстоять идею яркости соответствующих образов, можно, однако, отметить, что как бы «стёрта» ни была эта метафора, она остаётся ею, потому что в ней «сохраняется отнесённость к классу предмета». Если же утверждать, как это делает Д. Дэвидсон, что эта фраза означает «он рассердился», тогда это случай катахрезы - вкладывания новых смыслов в старые слова. Отсюда следует, что глагол *burn up* следует включить в

понятийное поле «*anger*». «Однако никто не спешит это сделать, потому что составители словарей и носители языка понимают, что замены значений в подобных случаях нет» [Архипов 2000:28-39]. Признание метафоры «стершейся» привело бы к распаду полисемии глагола *burn up*, поскольку в выражении *he burned up* данный глагол перестал бы **ассоциироваться** с *burn* (1) «горение как физический объект».

Таким образом, одной из отличительных черт образа является конкретность, образ может создаваться в сознании человека в результате домысливаемых признаков. За конкретными образами стоят более детальные образы в отличие от абстрактных значений, чьи образы носят менее: четкий характер. **Обобщённость** и абстрактность образа возникают по мере приложения слова все к новым и новым» предметам определённого порядка. Образность не исчезает никогда, если говорить о переносных значениях: вся суть формирования значения и функционирования переносного значения находится в постоянном фоновом присутствии представления об исходном предмете, так как цель «игры» с читателем при использовании переносных значений состоит именно в показе того, как далеко и для каких целей автор переноса ушёл от «первоисточника». Никакой иной цели употребление переносных значений не имеет [Архипов 1998: 6-21]. На самом деле, если бы образ исходного предмета или явления полностью стирался, то каждое переносное значение было бы омонимом и находилось бы за рамками многозначности.

2.3 Основные типы образности

В процессе лингвостилистического изучения образных средств на материале художественного текста первостепенное значение приобретает проблема выделения различных типов образности. В целом образность как многогранное и сложное лингвистическое явление предстает, прежде всего, в качестве ключевого и неотъемлемого свойства художественного текста и тем

самым служит эффективным средством для передачи различных представлений (прежде всего индивидуальных) о мире, активизации структур знания и т.д. В общелингвистическом плане образность следует рассматривать именно как "языковое средство воплощения какого-либо абстрактного понятия в конкретных предметах, явлениях, процессах действительности и наоборот" [Гальперин 1981:75-76]. Образность может формироваться на основе единиц различных уровней языка (фонетический, морфологический, лексический, синтаксический).

На сегодняшний день общепринятым положением является разделение образности на языковую и речевую. Как правило, речевая образность формируется на речевом уровне и отличается, прежде всего, оригинальностью и особым индивидуальным видением мира, основанным на творческой интерпретации окружающей действительности. Языковая образность в силу высокочастотного употребления зафиксирована в системе языка (в качестве переносного значения лексической единицы).

Наряду с языковой и речевой типами образности отдельные исследователи допускают возможность выделения тропеической и нетропеической образности [См.: Сковородникова, Копнина 2003:256-257]. Тропеическая образность основана на двуплановости, т.е. употреблении слов и выражений в переносном значении. Нетропеическая образность речи (высказывания, части текста или текста в целом) рассматривается как "соответствие авторскому эстетическому заданию" [Сковородникова, Копнина 2003:256]. На основании возможности выделения нетропеической образности актуализируется весьма важное положение о том, что в художественном контексте фактически любое языковое или графическое средство (нейтральные слова, служебные слова, графическое выделение) могут выражать образность. Тем самым подтверждается мнение о многогранности и полифункциональности образа как речевого явления.

Также следует отметить, что тропеическая и нетропеическая виды образности в совокупности создают изобразительности речи, которая

определяется как "степень ее предметной конкретности, благодаря которой содержание речи воспринимается преимущественно через чувственные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) представления" [Сковородникова, Копнина 2003:256].

В работах А.Ф. Лосева образность как явление семиотического плана дифференцируется на основе трех основных параметров: а) характер образного представления, б) характер описываемого предмета, в) характер реализуемого смысла [Лосев 1982:421]. Исходя из этих свойств в соответствии с иерархическим принципом выделяются следующие типы образности: индикаторный образ, метафорический образ, аллегорический образ, символический образ, мифологема [Лосев 1982:421-425].

Индикаторный образ ограничивается лишь функцией наглядности и указывает только на факт картины, а не на саму картину. Метафорический образ отличается большей степенью иконичности нежели условности. В структуре данного образа наблюдается определенное равноправие между предметом действительности и его представлением (картинкой, образом). Вместе с тем, в плане трансляции смысла предметная составляющая доминирует над образной [Лосев 1982:421-425].

Аллегорический образ, по структуре схожий с метафорическим, но отличающийся отсутствием равноправия между картинкой (образом) и предметом из реальности, создается "для чего-нибудь другого, что вовсе не обладает никакой образностью и не имеет никакого отношения к искусству" [Лосев 1982:429].

Символический образ, согласно А.Ф. Лосеву, представляет собой очередную ступень образности после аллегории. Ключевой отличительной особенностью символа (от метафоры) является указание «на что-то ещё» [Лосев 1982:415-416], т.е. выход за пределы определенной сферы. В этой связи А. Ф. Лосев подчеркивает, что в символе "означающее и означаемое взаимнообратимы. Идея дана конкретно, чувственно, наглядно, в ней нет ничего, чего не было бы в образе, и наоборот" [Лосев 1982:415-416].

В отличие осимволического образа, который служит связующим звеном между образным представлением и идеей, мифологема представляет собой полное отождествление образа и смысла [Лосев 1982].

Как видим, типология образности, предложенная А.Ф. Лосевым, основана на иерархическом характере формирования образности в целом. На каждой стадии развития определен вид образа характеризуется наличием отдельных отличительных особенностей, которые главным образом определяются спецификой взаимоотношений между "картинкой" представления, предметом действительности и выражаемым смыслом.

В целом ряде работ по стилистике отмечается, что словесная образность и художественная образность считаются основными типами образности [Виноградов 1963] и их дифференциация как отдельных категорий вызывает определенные дискуссии [Москвин 2006], так как, например, художественная образность определяется на основе тождества либо с метафорой, либо с сравнением. В целом следует заметить, что в создании художественных образов непосредственную роль играют средства словесной образности (метафора, метонимия, синекдоха, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гипербола и т.д.), которые могут выполнять различные функции (оценочную, пояснительную и т.д.) и лишь в случае реализации эстетической функции могут рассматриваться в качестве тропов [Москвин 2006].

Согласно В.В. Виноградову, художественный образ представляет собой "образ посредством слов", а словесный образ представляется "образом в слове" [Виноградов 1963: 94]. Словесный образ - это "взаимодействие, "игра" значения и внутренней формы определенного слова или выражения [Москвин 2006:494]. Художественный образ в свою очередь определяется как "категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности" [Эпштейн 1987:252].

Говоря о дифференциации словесного и художественного образов, необходимо учесть тот факт, что образ является словесным по своему устройству, а художественным - по выполняемой функции [Москвин 2006:494].

Таким образом, исходя из вышеизложенных положений относительно типологии образности, целесообразно подчеркнуть, что образность как самостоятельная категория стилистики может рассматриваться на основе выделения целого ряда дифференциальных признаков и соответствующих им типов, которые в совокупности определяют ее как комплексное и многогранное как по структуре, так и функциям явление языка и речи.

2.4 Метафорические образные модели

Такие важные когнитивные процессы как концептуализация и категоризация находят выражение в возникновении когнитивных моделей.

Когнитивная модель – характеристика процесса категоризации в естественном языке. Выделяется четыре типа когнитивных моделей: пропозициональные, схематические (образные), метафорические и метонимические. При этом описываются механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания как той базы, на которой мышление протекает [Кубрякова, 1996: 57].

Теория когнитивной модели основана на следующих положениях:

1. Главная часть наших концептуальных систем непосредственно основана на восприятии, на движении нашего тела и на физико-социальном опыте человека.

2. Мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют метафору, метонимию и «ментальную образность», что выходит далеко за рамки зеркального отражения внешней реальности.

3. Мысль обладает свойствами гештальта, а потому не атомистична; концепты имеют общую структуру, выходящую за пределы простого соположения понятий.

4. Мысль – нечто большее, чем механическое манипулирование абстрактными символами и обладает экологической структурой: эффективность когнитивной переработки зависит от общей структуры концептуальной системы и от того, какие именно понятия из нее задействованы в данный момент [Кубрякова, 1996: 57]

Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают рассматривать одну из разновидностей когнитивной модели, а именно метафорическую модель в качестве основной когнитивной операции, важнейшего способа познания мира путем переноса понятия (концепта) из одной, обычно конкретной, чувственной сферы в другую, более абстрактную. В результате происходит перенос структуры исходной сферы в систему сферы, подвергаемой метафорической экспансии, при этом переносится не только формальная структура фреймово-слотовой модели, но и эмоциональный потенциал исходной сферы.

Теория метафорической модели Лакоффа и Джонсона получила широкое развитие в работах отечественных когнитивистов: А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой, А.П. Чудинова.

В монографии А.П. Чудинова «Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации» (2003) приводится следующее определение метафорической модели:

Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителя языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой «X – это Y» [Чудинов, 2003: 70].

Процесс образования метафорической модели основан на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target

domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, т.е. происходит «**метафорическая проекция**» (metaphorical mapping) или «**когнитивное отображение**» (cognitive mapping) [Баранов, 2004].

Современная когнитивная теория метафоры не дает ясного ответа на вопрос о том, как собственно происходит сам процесс метафоризации, как именно взаимодействуют в сознании области источника и области цели. Основная причина этого заключается в том, что до сих пор не существует общепринятого способа представления знаний, методик описаний фреймов и представления семантической информации в компонентах фреймов и слотов. Области источника и цели различаются не только направлением метафоризации. Область источника – более конкретна, обычно представляет собой знание, полученное в результате прямого взаимодействия с действительностью, отражает непосредственный опыт. Область цели – это менее конкретное, менее ясное, менее определенное знание. Метафора позволяет понимать абстрактные сущности при помощи более конкретных. Эта идея получила название «тезиса об одно направленности метафорической проекции» (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Частным случаем является понимание менее структурированной области в терминах более структурированной. А.Н. Баранов утверждает, что речь не всегда идет о структурировании (прояснении) абстрактной области цели в терминах области источника. Существуют случаи, когда происходит переструктурирование, изменение уже имеющейся структуры области цели. Он приводит пример «идеи дедушки Ленина», иллюстрирующий метафору родства. Однако едва ли можно утверждать, что данный концепт является менее конкретным, чем концепт ДЕДУШКА [Баранов, 2004]. Подобные примеры подтверждают тот факт, что не всегда метафоризация происходит по направлению от более конкретной сферы к менее конкретной, что наиболее очевидно на примере большинства творческих, поэтических метафор, в которых задействованы концепты единого уровня абстракции.

Однако в целом представляется верным, что ядро метафорической системы образуют именно однонаправленные конвенциональные метафоры, способствующие прояснению, т.е. получению нового знания.

В когнитивной теории метафоры развиваются различные направления, каждое из которых предлагает свои способы описания метафорических моделей. Одно из них – это дескрипторная теория метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.В. Павлович). В дескрипторной теории метафоры исследуются в дискурсе в целом, для чего созданы методики формализованного представления большого корпуса метафор, использованных в различных контекстах.

Метафора описывается как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической модели (М-модели). Метафоры представляют собой регулярно воспроизводящиеся в рамках М-модели пары отображений <сигнификативный дескриптор_п, денотативный дескриптор_м>.

Так, метафора «война законов» представляется в дескрипторной теории метафоры в виде двухэлементного множества:

$$\{ \langle \text{война} \rangle, \langle \text{законодательская деятельность} \rangle; \langle \text{законодательство} \rangle \}$$

Первый дескриптор («война») является сигнификативным, а вторые два («законодательская деятельность» и «законодательство») – денотативными. Использование метаязыка дескрипторов позволяет единообразно описывать метафорические модели, а затем обрабатывать их при помощи компьютерных баз данных. Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов формируют метафорические модели (М-модели), а каждая метафорическая модель описывается иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов. Такая модель представления метафорических моделей используется в «Словаре русских политических метафор» [Баранов, Караулов, 1994].

Понимание метафорической модели в дескрипторной теории метафоры отличается от традиционного в когнитивной теории метафоры представления

метафорической модели в виде двух соотносящихся друг с другом сущностей: сферы источника и сферы цели.

Дж. Лакофф и М. Джонсон предлагают иную методику описания метафорической модели. Как утверждают авторы, «метафорические концепты – это способы частичного структурирования одного вида опыта в терминах другого» [Лакофф, Джонсон, 2004: 112]. Следовательно, понимание концепта возможно при наложении части многомерной структуры другого концепта на его соответствующую структуру. Такие многомерные структуры присущи эмпирическим гештальтам, организующим различные виды опыта в структурированное целое.

Эмпирические гештальты – это многомерные структурированные целые [Лакофф, Джонсон, 2004: 115]. Таким образом, понятие «эмпирический гештальт» заменяет более привычное для современной когнитивной лингвистики понятие «фрейм». При описании структуры гештальта Дж. Лакофф и М. Джонсон используют следующую многомерную схему:

1. Участники
2. Части
3. Этапы
4. Линейная последовательность
5. Причинная связь
6. Цель.

При наложении структуры области источника на область цели в последней происходят изменения, характерные для процесса метафоризации.

Вывод по второй главе

В результате рассмотрения базовых положений по проблеме образности как сложной лингвистической категории можно сделать следующие выводы:

- образность представляет собой сложную когнитивную структуру, комплексное лингвистическое описание которой предполагает активизацию целого набора когнитивных процессов и категорий;

- одной из отличительных черт образа является конкретность, образ может создаваться в сознании человека в результате домысливаемых признаков. За конкретными образами стоят более детальные образы в отличие от абстрактных значений, чьи образы носят менее четкий характер;

- **обобщённость** и абстрактность образа возникают по мере приложения слова все к новым и новым предметам определённого порядка;

- образность не исчезает никогда, если говорить о переносных значениях: вся суть формирования значения и функционирования переносного значения находится в постоянном фоновом присутствии представления об исходном предмете, так как цель «игры» с читателем при использовании переносных значений состоит именно в показе того, как далеко и для каких целей автор переноса ушёл от «первоисточника»;

- когда идёт речь о типологии образности, целесообразно подчеркнуть, что образность как самостоятельная категория стилистики может рассматриваться на основе выделения целого ряда дифференциальных признаков и соответствующих им типов, которые в совокупности определяют ее как комплексное и многогранное как по структуре, так и функциям явление языка и речи.

- метафорическая модель включает несколько обязательных параметров: сферу-источник, сферу-мишень, фреймово-слотовую структуру, дискурсивные характеристики и признак продуктивности.

ГЛАВА 3
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

3.1 Образная конструкция как модель познания действительности
(на материале стилистического приема сравнения)

Образное сравнение - обязательный элемент мыслительной деятельности человека, способ получения нового знания об объектах. В свете современной научной парадигмы наиболее плодотворным представляется лингвокогнитивный подход к анализу данного феномена, поскольку сравнение играет большую роль в формировании концептуальной картины мира, уточняет и конкретизирует представления человека о предметах и явлениях.

Когнитивный подход позволяет трактовать сравнение как ментальную операцию, в результате которой возникает особая когнитивная структура, трехчленный когнитивный блок, состоящий из: 1) ментальной единицы, которую подвергают сравнению, 2) ментальной единицы, с которой сравнивают первую, 3) ментальной сущности, являющейся основанием для сравнения.

В лингвистике компоненты этого когнитивного блока определяются следующим образом: А - предмет сравнения (и соответствующая языковая единица, репрезентирующая его); В - образ сравнения (и соответствующая языковая единица); f - формальный показатель сравнения; С — основание сравнения (и соответствующая языковая единица).

В настоящем параграфе мы рассмотрим особенности обработки информации в процессе познания, получающие отражение в художественном сравнении.

Известно, что сравнение - один из основных механизмов познания. Н.Д.Арутюнова видит отличительную черту сравнения в том, что в его

основе лежат логическое отношение подобия и логическая операция уподобления [Арутюнова 1998: 353]. Это позволяет сделать вывод об отражении в компаративных конструкциях, представляющих собой наиболее яркие материальные сигналы уподобления, особого способа обработки информации и определенной конфигурации знаний.

О специфике уподобления можно судить по особенностям синтаксического употребления терминов «уподобление», «подобие», английских глаголов *compare*, *liken*. Если сравнение, отождествление, аналогия предполагают симметрию (ср.: «сравнение, отождествление двух объектов», «установление аналогии между двумя объектами»), то уподобление предполагает асимметрию, неравноправие (ср. «уподобление одного объекта другому»): ср. также: «сходство, аналогия, тождество двух объектов», но: «подобие одного объекта другому»: *to compare two pieces of cloth*, но: *to liken someone to a weasel; Shall I compare thee to a summer's day?* (Webster). Обработка воспринятой информации заключается в уподоблении нового явления какой-либо категории. Такой процесс мы рассматриваем как компаративную категоризацию; Поясним это на примере:

All human life lies like a book before us... (Jerome K. Jerome).

Автор высказывания сравнивает жизнь человека с категорией объектов, которые можно обозначить словом *book*. Формируя концепты данной категории, мы выделяем в их содержании характеристики: содержит описание фактов, событий; книгу можно просмотреть, и др. Проекция этих характеристик на концепт *human life* позволяет передать существенные для данной ситуации характеристики в его содержании: жизнь человека — это цепь событий; человек способен вспомнить этапы и события прошедшей жизни. Именно опора на содержание концепта *book* позволяет уподобить жизнь человека любому объекту категории *Book*, т. е. осуществить компаративную категоризацию. Компаративная категоризация - один из путей систематизации впечатлений о мире.

Осмысление воспринимаемой действительности, будучи обусловлено принципом «Я (для меня) - здесь - и сейчас», характеризуется динамичностью. Одним из языковых средств, хорошо приспособленных для отражения динамики восприятия и оценочного осмысления действительности посредством мыслительной операции уподобления, оказывается художественное сравнение благодаря наличию в нем переменных позиций. «Классическое» художественное сравнение включает три полнозначных элемента [Арутюнова 1998: 353]: объект сравнения, основание сравнения и элемент, который следует за компаративной связкой и чаще всего интерпретируется как эталон.

В структуре сравнения выделяется опорный тип знания по функции, которую выполняет хорошо освоенное культурой и человеком знание в ситуации осмысления новых впечатлений. Опорное знание - это как бы «намек» на известную информацию, которая помогает осмыслить нечто новое. Элемент сравнения, передающий опорное знание, квалифицируется как опорный элемент, репрезентирующий наше знание об опорном объекте — т. е. когнитивную опору. Когнитивная опора представляется более широким понятием, охватывающим также и понятие «эталон».

Выражение динамики восприятия одного и того же объекта, или однотипных объектов, посредством художественного сравнения обеспечивается наличием в его составе двух переменных позиций: основание сравнения и опорный элемент. Например, различие в восприятии плачущей женщины (she) отражено в основании сравнения - глаголах *sob* или *cry* - при постоянном опорном элементе *child*:

She began to... *sob* like a child (P. Hill).

Then she *cried* like a child... (A. Gay).

Основание сравнения представляется наиболее коммуникативно нагруженным элементом, поскольку передает признаки, выделенные у опорного объекта и проецируемые на объект сравнения. Адекватное

осмысление основания сравнения позволяет правильно понять новую оценочную информацию, передаваемую высказыванием.

Основание сравнения не всегда бывает выражено эксплицитно. В соответствии с этим варьирует нагрузка, лежащая на опорный элемент. При выраженном основании сравнения опорный элемент актуализирует лишь оценочную характеристику объекта сравнения или, кроме этого, дополнительно обогащает знание о тех его признаках, которые не получили отражения в основании. Причина отсутствия эксплицитно выраженного основания сравнения видится в том, что признаки, приписываемые объекту сравнения, недостаточно осмыслены говорящим и не получили отражения в виде концепта. В таких случаях знание об объекте сравнения актуализируется только опорным элементом.

3.2 Актуализация образности в пространстве художественного текста

Понимая образность как информацию, скрытую, спрятанную за какой-то другой информацией [Яковлев 2005: 13-14], обратимся к проблеме реализации образности как особой стилистической категории в пространстве художественного текста.

Традиционно мы анализируем текст как четко структурированный объект исследования: с зачином, собственно развитием темы высказывания и завершением ее в концовке текста. Добавляются к этому «за»-текстовые (гипертекстовые) позиции названия, эпиграфа, подстрочного сноскового комментирующего аппарата и дополнительного технического приложения сопроводительного характера. Это – в определенном виде - общая структура текста как объекта любого как угодно нацеленного и соответствующим образом оформленного текстологического исследования. Само собой, предполагается возможность опущения вышеозначенных позиций в тексте.

Но что в этом смысле интересно и что релевантно именно при рассмотрении реализации в тексте категории образности, так это то, что описанная жестко форматированная структура текста в деле актуализации образности совсем не служит основой (в смысле канвой) при текстуализации того или иного речевого средства, используемого как образотворящий, образонесущий субстрат в текстовом пространстве. При включении в текст образонагруженного компонента жесткая иерархизированно оформленная структура текста начинает функционировать не как структурно форматированный объект, а как объект ризомный [Делёз, Гваттари 1976].

При актуализации образности текст начинает выступать как формация ризомного, не структурного типа - с синергетическими силовыми потоками как факторами внутренней организации текста (системно образующий компонент) и функционального проявления в виде внешнего воздействия текста (эффект на получателя - компонент прагматический).

Так, доминирующий образ бури 'the tempest' в пьесе У.Шекспира проявляется в тексте, отнюдь не встраиваясь в системный характер текста произведения, во всяком случае не подчиняясь формационной иерархии этого текста. Различные ипостаси этого действительно всеохватывающего, пронизывающего всю текстовую ткань образа работают в пространстве текста автономно, не зависимо от его иерархической формации. Конечно, тот факт, что ядро образа слово *буря (the tempest)* - включается в канву пьесы, реализуясь в наиболее сильной текстовой позиции в названии («титульная» позиция), факт этот не является безразличным в контексте общей актуализации доминирующего образа БУРИ (THE TEMPEST). Сильная титульная позиция является форсированным акцентом в деле актуализации образа в целом. Это - дополнительная фокусировка, так называемая «двойная актуализация» (или ре-актуализация) образа в формате текста - в смысле “еще раз подчеркнуть, дополнительно выделить” (фактор эмфазы!).

Однако в общем контексте пьесы все линии образа БУРИ (THE TEMPEST): и буря как разбушевавшаяся погодная стихия, и буря как разгул

вышедших из-под контроля людских страстей, неуемной жажды власти и борьбы за власть, и буря как конфликт цивилизации и дикости, просвещенного правления и рабства, и буря как антитеза коварства и любви, и буря как конфликт закабаления, рабства и обретения свободы, и буря как контраст между силой волшебства, магии и отказом от употребления колдовских чар, и буря как противодействие вышедших из-под контроля стихий и упорядоченности, гармонии в природе и в душах героев, - все эти линии реализуются в тексте сами по себе: каждая из линий образного содержания - автономно, в своем, присущим только ей, этой линии, контексте. И лишь потом, на выходе, при собирательной, общей интерпретации текста - все эти линии собираются воедино, давая нам в результате кумулятивный собирательный образ БУРИ (THE TEMPEST).

Аналогично это происходит в рассказе Тима О'Брайана ("The Things they Carried" by Tim O'Brian), где на 15-ти страницах текста с регулярностью - то через большие, то через меньшие промежутки - повторяется одно и то же слово *carried* (*несли*) и дальше перечисляется, что именно солдаты несли с собой на марше, будучи задействованы в войне во Вьетнаме.

Этот дистантный повтор пронизывает все пространство текста, иногда перемежаясь, - автор при этом сам специально делает оговорку, - со своим разговорным синонимом *humped*, который в тексте выступает как своего рода профессионализм из языка военных. В перечислениях всего того, что солдаты несут с собой, мы встречаем сопряжения предметов, совершенно друг с другом не сочетающихся (прием гетерогенного перечисления): типа *they carried bricks of soap* и *they carried ghosts* - *куски мыла* и *призраки*. Далее в тексте мы встречаем и *they carried responsibility* - *несли ответственность*. А это уже зевгма.

А в конце рассказа главный герой Джимми Кросс *Jimmy Cross* - тоже, кстати, развитие доминирующего образа текста, имеющее прямую связь с основным образом НЕСТИ (*с собой / на себе*), ибо по-английски *cross* - это еще и КРЕСТ, крест, который нес Иисус по пути на Голгофу, - прием этот

здесь эксплицитно не выражен, но исходя из общего содержания и настроения текста, эта аллюзия здесь легко считывается из подтекста, реализуясь в нулевом имплицитном повторе, создавая интертекстуальную переключку с ключевым библейским сюжетом и всем культурным пластом, с этим сюжетом связанным, - так вот лейтенант Джимми Кросс, главный герой рассказа в конце СЖИГАЕТ свое самое драгоценное сокровище, с которым он до того никогда и нигде не расставался, всегда НОСЯ его с собой в рюкзаке: он сжигает письма своей любимой, которую он - ушел на войну и так и не долюбил. Он сжигает эти письма, потому что винит себя за смерть своего солдата, винит потому, что в момент, связанный с его смертью, он отвлекся и в своих фантазиях грезил, витал в том мире, в котором осталась его девушка. Он думал о ней и, как ему кажется, отвлекшись в своих фантазиях, пренебрег своим долгом офицера и таким образом по его вине оказался - по глупой случайности - убитым один из его солдат, совсем молодой, почти мальчишка - и тоже недолюбивший, но теперь уже тот, кто не сможет полюбить никогда, не сможет, потому что мертв. И здесь мы в тесте рассказа имеем такую контекстуальную антитезу, противопоставление: *носить всегда при себе* и вот - уничтожить, *сжечь*.

Все эти повторы, сопряженные с различными другими стилистическими приемами, реализуют в контексте рассказа доминантный, витающий над всем пространством текста образ CARRIED. При этом каждый из конкретных случаев актуализации данного образа проявляется и действует в тексте независимо от непосредственной текстовой структуры разбираемого рассказа. Образная цепочка имеет свою, никак не перекликающуюся со структурой рассказа линию внутритекстовых и поверх-текстовых связей, и этот силовой поток в информационном поле данного конкретного образа - он синергичен..

Образность в формате текста реализуется в нем независимо от непосредственной структурной организации самого текста. И в этом смысле текст, его архитектоника предстает здесь организацией ризомного, а не системно структурного формата. И соответственно — силовые линии,

реализующие тот или иной образ в общем информационном потоке текста, действуют синергично, все собираясь воедино, налагаясь друг на друга, взаимодействуя друг с другом, они на выходе формируют ОБРАЗ во плоти. В этом смысл реализации стилистической категории образности в пространстве текста.

3.3 Метафорические образные модели как способ структурирования концепта в художественном тексте

Для современной лингвистики актуальными являются проблемы, связанные с исследованием конструирования когнитивной деятельности человека через язык. “Язык человека всегда основывается на когниции”, отмечает Н. А. Кобрина, «т.е. ментальная деятельность и когнитивные процессы и механизмы должны отражаться в языке (и через него в речи) на всех уровнях развития» [Кобрина 2005: 5]. При этом роль языка в сознании и разуме человека заключается не только в том, что он фиксирует результаты процесса познания человеком действительности, номинируя различные ее фрагменты. Язык играет существенную роль в процессе дальнейшего построения концептуальной системы, который заключается в образовании новых смысловых структур путем манипулирования уже существующими в языке (вербализованными) концептами [Павиленис 1983; Болдырев 2001 и др.].

Вследствие этого исследование естественного языка позволяет выявить специфику формирования знаний человека о мире, создать определенные модели окружающей действительности — некие схематизированные конструкты, которые «замещают» более сложные и более трудно обозримые объекты, позволяя зафиксировать и, тем самым, лучше изучить наиболее важные свойства исходных объектов [Беляевская 2007: 100].

Наиболее частотной образной когнитивной моделью выступает метафора. Под метафорой в данном случае подразумевается «концептуальная метафора» - когнитивный процесс, в основе которого лежит понимание одной области через призму другой. Метафоризация предполагает перенос из «области-источника» в «область-цель/мишень» тех когнитивных структур, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику. По сравнению с областью-целью область-источник обычно представляет собой более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью [Лакофф, Джонсон 2008].

В настоящем параграфе мы рассмотрим особенности метафорического моделирования абстрактного концепта INTEREST, описывающего познавательный интерес. Исследование контекстов употребления репрезентантов данного концепта указывает на широкий диапазон метафорического уподобления. Так, в восприятии человека познавательный интерес часто предстает в образе живого существа, растения, стихий, вещества и предметов. Кроме этого, концепт INTEREST может получать определенную пространственную ориентацию.

Чаще всего познавательный интерес структурируется метафорой 'интерес - живое существо'. На это указывают выявленные в содержании концепта витальные признаки общие для живого мира особенности. Основанием метафорического переноса становится уподобление познавательного интереса определенным состояниям и этапам развития, присущим живому организму - рождение, смерть, дыхание, сон, питание, движение и т.д. Например:

*My dormant **curiosity** revives* (Collins).

*When he rode on to the library he carried with him a **new-born interest** in Herbert Spencer...* (London).

*Teachers must in some cases try to awaken a **dormant curiosity** that has remained asleep* (Gullette).

*The wit of the improviser drew forth **sighs of interest** and shouts of laughter* (Dyke).

Антропоморфные признаки указывают на реализацию метафорической модели 'интерес — человек'. Данные признаки свидетельствуют о том, что познавательному интересу приписываются те же качества, что и человеку в целом. Интерес может испытывать определенные эмоции, ему свойственна ментальная деятельность, он имеет характер, способен оказывать сопротивление и побеждать. Например:

Curiosity and distaste struggled in her mind, but curiosity won (Maugham).

*Indeed she was a woman gifted with a mild and **patient inquisitiveness*** (Burn).

*And she takes a **passionate interest** in the variety of life* (Maugham).

Концепт INTEREST может быть представлен фитоморфными признаками, указывающими на концептуализацию познавательного интереса в терминах метафоры 'интерес – растение'. Например:

*Though not an easy **plant to grow, it is a curiosity*** (BNC).

*...there was a frightened furtive **seed of curiosity that grew slowly and stealthily**...* (BNC).

*She discovered, **interest simply faded*** (King).

Стихии являются устойчивыми образами для создания метафорических конструкций, использующихся с целью описания рассматриваемого концепта. Наиболее продуктивным в концептуализации познавательного интереса является образ огня. Сравнение с огнем наделяет интерес некой силой, энергией. Метафорическая модель 'интерес – огонь' может получать языковую экспликацию в примерах типа:

***She is burning with curiosity** to hear more* (Collins).

*This astonished Tom, and also **fired his curiosity** to fever heat* (Twain).

*It was this fact that aroused a faint **spark of interest** in Tarzan...* (Burroughs).

Соотнесение познавательного интереса с веществом свидетельствует о реализации метафорической модели 'интерес – вещество'. Познавательный интерес часто уподобляется взрывчатому веществу и жидкости. Например:

*My **curiosity burst from me** in a flood of speech (London).*

*So presently the girls were hard at it, Polly very humble and downcast, Fanny excited and **overflowing with curiosity** (Alcott).*

На функционирование метафоры 'интерес - предмет' указывает представление познавательного интереса в образе некоего физического объекта, который может иметь определенную температуру, размер или форму. Например:

*Bulstrode had anything but a **warm interest** in his nephew Fred Vincy. (Eliot).*

*Shockley is a powerful man with a **large interest** in the Overlook... (King).*

*Continue learning, never stop striving and keep your **curiosity sharp** and you will never become too old to appreciate life (BNC).*

Другим способом структурирования описываемого концепта в английском языковом сознании являются пространственные метафоры. Концепт INTEREST, уподобляясь пространству, может вмещать в себя человека и отдельные части его тела (голову, нос, глаза). Такое представление свидетельствует о концептуализации познавательного интереса в терминах метафорической модели 'интерес – вместительница для человека'. Например:

*I **listened in curiosity** to the noises behind the gate (Radasky).*

*He stepped gravely, **his nose lifted a little sideways in real curiosity** (Galsworthy).*

Часто концепт INTEREST представлен в терминах метафорической модели 'интерес субстанция внутри тела человека'. Например: '***You fill me with interest,*** ' said Holmes (Doyle). Характерно также то, что познавательный интерес как положительное эмоциональное состояние направлен вверх, что

указывает на реализацию модели 'интерес - верх'. Например: *But when we had looked a bit longer our fears went down and **our curiosity got up*** (Nesbit).

Таким образом, ключевую роль в моделировании абстрактных сущностей играет метафора, позволяя познать сложные непосредственные ненаблюдаемые мыслительные пространства, соотнося их с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами.

3.4 Когнитивно-семантические компоненты метафорической образности фразеологических единиц в художественном тексте

Изучение метафоры как чисто языкового феномена, начатое еще Аристотелем, на сегодняшний день переросло в ее полиаспектное исследование с позиций лингвокогнитивистики, психо- и социолингвистики, семиотики, литературоведения и собственно языкознания. Если в прежние времена она рассматривалась как номинационное или стилистическое средство, то в современную эпоху, в связи с развитием когнитивной науки, метафору считают «способом создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов» [Телия 1988: 173-204].

В последние десятилетия центр тяжести в изучении метафор переместился из области филологии (риторики, стилистики, поэтики), в которой превалировали анализ и оценка *поэтической* метафоры, в область изучения *практической речи* и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, концептуальным системам и, наконец, к конструированию искусственного интеллекта. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов формирования не только национально-специфического, но и общечеловеческого видения мира. На нынешнем этапе данная область хорошо изучена, но еще не исчерпала себя. Исследование «отражательной способности» человеческого сознания и ее

языкового воплощения неизменно приводит к метафоре как одному из способов моделирования мира.

Библиография трудов по теории метафоры включает работы представителей разных наук - таких, как В. М. Жирмунский, Ю. М. Лотман, Ж. Пиаже, Б. Томашевский, Р. Якобсон, М. Блэк, Р. Биллоу, Дж. Брюнер, М. Вертгеймер, Д. Гордон, А. Кестлер, Дж. Лакофф и М. Джонсон, К. Леви-Стросс, С. Ульман, Р. Стернберг, Р. Чэпмэн и др.

Лингвистические исследования подтверждают тезис о том, что метафора представляет собой универсальный способ мышления человека и позволяет в языковой форме увидеть некоторые аспекты его структуры. Хотя точнее, по-видимому, говорить об ассоциативности как компоненте речемыслительной деятельности и о метафоре как об *одном из способов* фиксации ассоциации. Вслед за В.Н. Телия мы полагаем, что процесс идиообразования есть вовлечение сочетания слов в метафору на основе подобия смысла, который лежит в основе номинативного замысла, смысла, который обозначается сочетанием слов в его «буквальном» значении, и смысла, который включен в определенную структуру знания о мире - некоторый «сценарий» или «фрейм» [Телия1988: 173-204].

Несмотря на утверждение М. В. Никитина о низком моделирующем потенциале метафор [Никитин 2003:176], фразеометафоры активно используются в речи и составляют значительную часть фразеологического фонда. Типичными примерами могут служить следующие английские фразеологизмы:

pins and needles - покалывание в руке или ноге после онемения;

fox trap, sweet biscuit - привлекательная женщина;

dog's ears - загнутые уголки страниц в книге; *cold fish* - холодный, бесчувственный, безразличный человек;

cat nap - краткий послеполуденный сон; *suck the monkey* - украдкой прикладываться к алкогольным напиткам;

top dog - хозяин положения, победившая сторона (и др.).

В словесных оборотах подобного рода смысл рождается в конфликтном столкновении в пределах одного образа удаленных друг от друга предметов (“an implied analogy in which one thing is compared or defined by another, dissimilar thing” [Davies]. По словам С. Дэвиса, исследовавшего природу переносного смысла выражений в речи своих пациентов как отражение их эмоционального состояния и концептуальной системы, “when a feeling is transformed into its metaphorical equivalent, it is sustained throughout the work and functions as a controlling image. Metaphors are 'vertical' in nature. They deepen the information. Time is frozen while the information is developed. The questions used to develop a metaphor develop space not time. A metaphor awakens the conceptions with more force and grace than 'everyday' language. An epistemological metaphor is personal and unique, translating a feeling or thought into a form that can travel through time to its original” [Davies].

Рассмотрение метафоры как средства моделирования действительности в языке заставляет обратиться к понятиям «языковая картина мира» и «вторичная номинация». По мнению В. Н. Телия, посредством механизмов метафоры на основе сходства некоторых признаков реалии, уже названной в языке, и называемой реалии синтезируется новый объект - метафорически переосмысленное значение имени - с целью именованной новой физически воспринимаемой реалии либо с целью создания нового понятия в самом процессе его метафорического именованья [Телия 1988: 173-204].

В настоящее время стала популярной концепция метафоры, получившая название интеракционистской. В той ее версии, которая принадлежит М. Блэку, метафоризация протекает как процесс, в котором взаимодействуют два объекта, или две сущности, и две операции, посредством которых осуществляется взаимодействие. Одна из этих сущностей - это тот объект, который обозначается метафорически. Вторая сущность - вспомогательный объект, который соотносим с обозначаемым уже готового языкового наименования. Эта сущность и используется как фильтр при формировании представления о первой. Каждая из

взаимодействующих сущностей привносит в результат процесса свои системы ассоциаций, обычные в случае стандартного употребления языка, что и обеспечивает распознавание говорящими на данном языке метафорического смысла [Блэк1990: 153-172].

В отличие от М. Блэка, оперирующего понятием сущности (объекта, референта), А. Ричардс предпочитает трактовку метафорического процесса как взаимодействия «двух мыслей о двух различных вещах. Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значение которого есть результат их взаимодействия». Интересно отметить, что "основа" (т.е. формирующееся представление о новом объекте) создает референцию, а «носитель» (т.е. вспомогательный объект метафоры как определенное языковое выражение с его «буквальным» значением) задает смысл - тот способ, каким мыслится новый объект [Ричардс 1990: 44-67].

Рассмотрим пример речевого употребления фразеологизма *a big fish* (букв.: крупная рыба, перен.: важная персона; ср. рус. *большая шишка*). В данном примере тема (человек) выражается через образ животного.

“I was talking to a pal about Adams' decision and he said that Wolfie "likes being a big fish in a small pond". I said that this has to be one of the most ridiculous expressions in the English language. Why would any big fish want to be in a small pond? “View From the Sofa” Live From 12pm, ITV4 [http://www.thefreelibrary.com]

Перечислим компоненты этой метафоры.

- 1) Объект моделирования: человек, занимающий высокое положение.
- 2) Основной признак: важность занимаемого положения, власть.
- 3) Семантический перенос: важность - большой размер.
- 4) Выбор подходящего образа: крупная рыба.

Следует пояснить, что зачастую выбор осуществляется интуитивно, на основе сложившихся в данной языковой и культурной общности понятий и

ориентиров, поэтому сам процесс выбора, как и конечный выбор, мы можем только проследить этимологически (если это возможно) или попытаться реконструировать, пользуясь научным домыслом. В данном случае представляется довольно сложным установить точное происхождение ФЕ, поэтому объяснение выбора именно этого референта затруднено. Можно лишь предположить, что для островной рыболовецкой нации рыба всегда была важным элементом существования, к тому же признак размера здесь выражен гораздо ярче, чем, скажем, у собак, кошек, овец, коров или кур - животных, традиционно составлявших рацион данной нации. Сравним:

a big fish - a big dog - a big cat - a big cow - a big hen и т.д.

Объединение темы и образа, закрепленное наличием в составе фразеологизма лексемы, обозначающей переосмысленный признак объекта (*big*), и лексемы, обозначающей референт (*fish*).

б) *Создание метафорического фразеологизма a big fish - "an important or powerful person in a group or organization" (Cambridge Idioms D-ry).*

Рассмотрим еще ряд примеров. В следующем примере тема (человек) выражается через образ артефакта: фразеологизм *a rough diamond* (букв. «неотшлифованный алмаз») употребляется для обозначения человека, обладающего достоинствами, но не имеющего внешнего лоска [Кунин 2006:944].

Yes, I like him. I suppose a journalist would say he is a rough diamond. He's downright , even rude from your standards, but genuine. And there's a real sensibility under his mannerisms. (R. Aldington, "AN Men are Enemies", Part 1, Ch.7)

- 1) Тема: определенный тип личности, а именно человек, обладающий достоинствами, но не имеющий внешнего лоска.
- 2) Основной признак: грубость формы в сочетании с высокой ценностью содержания.
- 3) Семантический перенос: ценность - драгоценный камень; грубость - необработанность поверхности камня.

4) Выбор подходящего образа (неотшлифованный алмаз).

Критерий выбора в данном случае очевиден. Алмаз во многих культурах почитается как наиболее ценный из известных драгоценных камней. Помимо природных свойств - таких, как исключительная твердость, высокая теплопроводность, люминесценция и пр., ему приписывается ряд метафизических качеств - например, способность защищать владельца. Общеизвестно, что в своем природном виде алмаз выглядит заурядно, а его красота - результат тщательной огранки.

5) Объединение темы и образа во фразеологизм.

6) Результат: метафорический фразеологизм *a rough diamond*.

В следующем примере темой является человек, образом - артефакт; *a pencil-neck* (букв.: карандашная шея) - слабый, робкий, пугливый человек. Рассмотрим компоненты этой метафоры.

1) Тема: слабый, робкий, пугливый человек.

2) Основной признак: слабость, уязвимость.

3) Семантический перенос: слабость ^ толщина шеи ^ карандаш.

4) Выбор подходящего образа: тонкая шея характерна для людей с хрупким телосложением, которое ассоциируется со слабостью, а толстая шея - с силой. Ср. рус. *бычья шея*.

5) Объединение темы и образа: слабость, робость, незащищенность - шея толщиной с карандаш.

6) Результат: метафорический фразеологизм *a pencil neck*.

Подведем итог всему сказанному выше. Тематика метафорических фразеологизмов довольно разнообразна, чаще всего антропоцентрична и отражает следующие признаки человека:

- внешний вид (*a bag of bones* - кожа да кости);

- свойства характера (*a bird / pea brain* - глупый человек, куриные мозги, *a bright spark* - умница, *a shrinking violet* - святая невинность, *a wet blanket* - нытик, зануда);

социальный статус (*a fair-haired / blue-eyed boy* - любимчик, *a friend at court* - высокий покровитель, *a has-been* - человек, переживший свою славу); поступки (*to monkey about* - проказничать, валять дурака, *to lick smb's boots* - подхалимничать).

Кроме того, некоторые метафорические фразеологизмы обозначают неодушевленные предметы: *a bread heel* - хлебная горбушка, *a silent butler* - щетка для сметания мусора (и т.п.).

В целом метафорические фразеологизмы как модели действительности отличаются низкой степенью абстрактности значения, а их образность всегда наглядно-чувственна и конкретна. Образ и тема у них находятся на одном и том же (низком) уровне абстракции, в отличие от фразеологизмов-аллегорий (*to set the cat to watch the goldfish bowl* ~ *пустить козла в огород*), у которых образ конкретен, а тема абстрактна.

Выводы по третьей главе

В рамках когнитивного подхода образное сравнение трактуется как ментальную операцию, в результате которой возникает особая когнитивная структура включающая следующие компоненты: 1) ментальная единица, которую подвергают сравнению, 2) ментальная единица, с которой сравнивают первую, 3) ментальная сущность, являющейся основанием для сравнения.

Компоненты этого когнитивного блока определяются следующим образом:

А - предмет сравнения (и соответствующая языковая единица, репрезентирующая его);

В - образ сравнения (и соответствующая языковая единица); f - формальный показатель сравнения;

С — основание сравнения (и соответствующая языковая единица).

Образность в художественном тексте не зависит от непосредственной структурной организации самого текста. И в этом смысле текст, его архитекtonика предстает здесь организацией ризомного, а не системно структурного формата. Концептуальная сущность реализации стилистической категории образности в пространстве текста заключается в том, что различные элементы текста собираясь воедино, налагаясь друг на друга, взаимодействуя друг с другом, формируют определенный образ.

Наиболее частотной образной когнитивной моделью выступает метафора. Метафоризация - это когнитивный процесс, предполагающий перенос из «области-источника» в «область-цель/мишень» тех когнитивных структур, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику. По сравнению с областью-целью область-источник обычно представляет собой более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью.

Исследование различных вербализаторов концепта в художественном тексте указывает на широкий диапазон метафорического уподобления. Что касается образности метафорических фразеологизмов как моделей действительности, то она по сути дела всегда предстает наглядно-чувственной и конкретной, с низкой степенью абстрактности значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин «когнитивная наука» используется для названия определенного круга научных дисциплин, объединившихся для совместного изучения процессов, связанных с получением, обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, то есть с формулированием этих структур в мозгу человека. Большинство принимает определение когнитивной науки, согласно которому она представляет собой науку о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам.

Анализ источников по проблеме использования термина «когнитивный» позволяет определить диапазон его современного употребления, а так же исключить случаи его использования, которые представляются недостаточно оправданными и не могут считаться общепризнанными.

Центральным для всего когнитивного направления является понятие когниции, обозначающее познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации. Понятие когниции объединяет все процессы, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа, причем под репрезентацией в данном случае понимается единица представления мира человеком,

К настоящему времени когнитивная лингвистика представлена в мире несколькими мощными направлениями, каждое из которых отличается своими установками, своей областью и особыми процедурами анализа. Однако ряд различающихся между собой школ объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они в качестве структур знания отражают. Действительно, когнитивные теории

по существу вскрывают одно и то же. Это связь знания, заложенного в языке с субъектом восприятия, познания, мышления, поведения и практической деятельности; преломление реального мира – его видения, понимания и структурирования – в сознании субъекта и фиксирование его в языке в виде субъектно ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей.

Когнитивная лингвистика – наука, в центре внимания которой находится язык как общий «когнитивный механизм», когнитивная составляющая той инфраструктуры мозга, которая «отвечает» за языковые проявления человеческого мышления, т. е. языковая деятельность рассматривается как один из модусов «когниции», составляющий вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних. К таким способностям относятся: построение образов и логический вывод на их основе, получение новых знаний исходя из имеющихся сведений, составление и реализация планов. Признается, что когнитивный мир человека изучается по его поведению, по осуществляемым видам деятельности, подавляющее большинство которых протекает при участии языка. Язык образует речемыслительную основу любой деятельности, объективируя замысел, установки и различные компоненты данной деятельности. Эти объективированные и непосредственно наблюдаемые результаты деятельности образуют ту эмпирическую область данных, на базе которой могут далее изучаться такие когнитивные феномены человеческого сознания, как память, правила логического вывода и умозаключений и др. Когнитивисты строят предположения не только о том, какая система собственно лингвистических форм стоит за речемыслительной деятельностью, но и о том, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание.

Актуальность проблемы образности как сложного и неоднозначного языкового явления определяется прежде всего наличием целого ряда его как

общелингвистических, так и частных лингвистических (стилистических, лексико-семантических) трактовок, выделением сложного комплекса типологических особенностей и структурно-семантических характеристик. Также особый интерес для исследователей представляют такие существенно важные аспекты понятия образности, как его связь с текстом и восприятием мира, многоплановость и мотивированность содержания.

Образность является неотъемлемым свойством языка и речи, так как она обеспечивает понимание обозначаемого, что является неременным условием общения. Образные представления имеют, с одной стороны, индивидуальный характер, так как они неотделимы от личного жизненного опыта человека, а с другой - передают национальную, культуру, обычаи, стереотипы мышления, отражая древнейший способ осознания и членения действительности. Образы сопровождают языковую деятельность говорящих, но степень их осознанности и воплощённое в представлении все время варьируется. Они служат тем проводником, при помощи которого высказывание попадает в сферу деятельности интерпретирующей мысли говорящего, либо, наоборот, посредством которого мысль говорящего оказывается направленной на то, чтобы воплотиться в высказывании.

В рамках когнитивного подхода к языку образность рассматривается как способ концептуализации, основанный на восприятии признаков объекта, при котором ведущим является зрительное восприятие.

В основе настоящего диссертационного исследования лежит подход к пониманию образности с позиций когнитивной лингвистики, в рамках которой образные средства, рассматриваются как сложный тип когнитивных структур, и понимаются как способ мышления и осознания мира.

С точки зрения когнитивной теории, образные средства языка и речи отражают когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые смыслы. Когнитивное понимание образности предполагает, что образная конструкция возникает на уровне глубинных структур человеческого разума, поэтому для их понимания

адресат должен актуализировать систему ассоциаций, соединить возможные суждения с имеющимся представлением о главном субъекте, образуя различные сочетания смыслов.

Как следует из вышеприведенного определения, в лингвокогнитивной природе образности выделяются два взаимосвязанных процесса – концептуализация и восприятие. Данное положение наглядно подтверждает синтезированный и взаимодополняющий характер всех современных пониманий образности.

Метафорические образования проявляются на когнитивном уровне, а категория образа, имеющая когнитивные корни, способствует компетентному толкованию результатов этого процесса на лексико-семантическом уровне.

Образные структуры, репрезентированные в художественном контексте, выполняют целый ряд функций: когнитивную (функцию обработки и переработки информации); номинативную (функцию фиксации знаний, заключающуюся в создании наименования реалий); коммуникативную (функцию передачи информации); прагматическую (функция формирования у адресата определенного мировосприятия); инструментальную (функцию направления и упрощения мыслительного процесса); гипотетическую, изобразительную, эвфемистическую и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
2. Апресян Ю.Д. Роман «Дар» в космосе Владимира Набокова. // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Архипов И. К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // *Studia Linguistica* №6: Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. 1998, СПб. С. 5-21.
6. Архипов И.К. Стрела познания и стрела номинации // Язык. Глагол. Предложение. К 70-летию Г.Г.Сильницкого. Смоленск, 2000, С. 38-51
7. Ашурова Д.У. Стилистика текста в парадигме когнитивной лингвистики // Филология масалалари. – Ташкент, – 2003. – № 1. – С. 41 – 45.
8. Ашурова Д.У. Новые тенденции в развитии стилистики // Тил ва нутқ систем-сатҳ талқинида: Материалы междунар. научно-теор. конф. посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Х.А. Арзикулова. – Самарканд: СамГИЯ, 2005 – С. 7 –
9. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. – 193 с.

10. Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004.
11. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул, 2001.
12. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики. – Известия РАН. Сер. литературы и языка, т. 56, 1997, №1
13. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
14. Белявская Е.Г. Семантика слова - М., 2007.
15. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. - С. 3 - 11.
16. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.153–173.
17. Брандес М.П. Бр87 Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп.— М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. -416 с.
18. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
19. Болдырев Н.Н. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты//Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии). Тамбов: Изд-во Тамб.ун-та, 2001. Изд.2-ое стер. – 134 с.
20. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 11 с.
21. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963;

22. Виноградов В.В. – О языке художественной литературы. – М., 1959.-с.157.
23. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
24. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., «Новое литературное обозрение», 1996.
25. Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуальной действительности // ВКЛ. 2013. - № 1. - С. 64 - 74.
26. Дейк Т.А., ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. - С. 153- 211.
27. Демьянков В.З. 1992 – Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 39-77.
28. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
29. Джусупов Н.М. Лингвокогнитивный аспект исследования символа в художественном тексте. Авт. дис...к.ф.н.- Ташкент:2006
30. Джусупов Н.М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. – С. 65 – 76.
31. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990
32. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М.: Изд-во гуманитарного ун-та, 1999.
33. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Изд-во «Гнозис», 2002.
34. Кобрина Н.А. Класс местоимений в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода // Когнитивная лингвистика:

- Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1.Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. / Отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 7-26
35. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
36. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов/ Под общей редакцией Е.С.Кубряковой. – М., 1996 (В тексте – КСКТ).
37. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997 – 326с.
38. Кубрякова Е.С. Языкознание. М: 2006.- 480стр
39. Кухаренко В.А. Интерпретация текста.-М.: Просвещение,1988
40. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС, 2004. – 253 с.
41. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты//Новое в зарубежной лингвистике.-Вып.Х.-М.,1981
- 42.Лакоф и Джонсон Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. Изд.2, 2008.
43. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. – 480 с.
44. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек –текст – семиосфера – история. – М., 1999.
45. Лузина Л.Г. Когнитивный стиль // КСКТ. – М., 1996;
46. Лузина Л.Г. Основные направления развития современной стилистики // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 205–214.
47. Лукин В. А. Художественный текст, М.: «Ось», 1999 – 192 с.

48. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 294 с.
49. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетрасистема, 2005.
50. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. – М., 1990.
51. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 342 с.
52. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988. – С.281-309.
53. Молчанова Г.Г. Английский язык как неродной. Текст, стиль, культура, коммуникация. -М.:Олма Медиа Групп, 2007
54. Молчанова Г.Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 60–71.
55. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. - Ростов н/Д.: Феникс, 2006. - 630 с.
56. Наер 1999 – Наер В. Л. Неконвенциональные, стилистически релевантные приёмы и способы организации высказывания. Стилистические аспекты дискурса // Сб. науч. трудов МГЛУ, вып. 451. – М., 2000. – с. 3-15
57. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
58. Никитин В. М. О семантике метафоры // Вопр. языкознания, 1979, №1.
59. Павиленис Р.И. Проблема смыслов. Современный логико-философский анализ явлений. – М., 1983.

60. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 5 –11.
61. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 192 с.
62. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 2000. – 30 с.
63. Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Пименова М. В. и др. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2004. – 146 с.
64. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001
65. Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. – 624 с.
66. Прохоров А.В. Когнитивные основания получения инферентного знания в рекламном дискурсе // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов. 26-28 сентября 2006 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 129–131.
67. Псурцев Д. В. Смыслоформирующий аспект образно-ассоциативных компонентов художественного текста (на материале англоязычной художественной литературы). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 187 с.
68. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка, 2000, т. 59, № 3.
69. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990.
70. Сковородникова А.П., Копнина Г.А. Образность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. - М.: Флинта: Наука, 2003. - С. 255 - 257.

71. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М., 1988. - С. 173-205.
72. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике, № 23 – М: Прогресс, 1988 – С. 52 - 93.
73. Фомичева Ж.Е. О когнитивно-стилистическом подходе к анализу художественного текста // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов 26–28 сентября 2006 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Р. Державина, 2006.
74. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.
75. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 98 – 123.
76. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта// Новое в заруб. лингвистике. Вып X-XII. – М., 1983.– С.35-73.
77. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. - М., 2002.
78. Ченки О. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. №2.
79. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография /Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
- 80.** Шелестюк 2001 – Шелестюк Е.В. Метафора: двухкомпонентная или трехкомпонентная структура? // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения-2001. Материалы... конференции. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. С. 125-126.

- 81.Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь.- М.:Сов. энциклопедия, 1987. - С.66 - 71.
- 82.Black M. Models and metaphors: studies in language and philosophy. – Ithaca; New York, 1962
- 83.Charniak 1982 – Charniak E. Context recognition in language comprehension // Strategies for natural language processing. – Hillsdale (N.J.); L.: Erlbaum, 1982. – PP. 435-454.
- 84.Davies C. Metaphors, symbols and related context: Figurative Language Examined, по материалам сайта www.cleanlanguage.co.uk
85. Emmott C. The experience of reading: Cognition, style, affect and social space S. Csábi and J. Zerkowitz (eds.), Textual Secrets: The Message of the Medium. – Budapest: Eötvös Loránd University, 2002. P. 29–41.
- 86.Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities. – Basic Books. 2002 – 440 pp.
- 87.Fillmore Ch.J. 1975 – An alternative to checklist theories of meaning // BLS. – 1975. – Vol. 1. – P. 123-131.
- 88.Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. by Antonio Barcelona. - Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 253–281.
- 89.Galperin I.R. Stylistics. M.: Higher School, 1977
90. Hamilton C. Stylistics or Cognitive Stylistics? // Bulletin de la Société de Stylistique Anglaise. 2006. №28. P. 58–65.
- 91.Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, 1984.(1983)
- 92.Lakoff, George, Johnson, Mark. Metaphors We Live By. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1980.

93. Langacker 1987 – Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. – 573 p.
94. Semino E., Culpeper J. Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co., 2002
95. Talmy K. 1978 – Figure and ground in complex sentences // Universals in human language. – Vol. IV: Syntax. – Stanford, 1978. – P. 625-649.
96. Wallace S. 1982 – Figure and ground: The interrelationships of linguistic categories // Tense. – Aspect: Between semantics and pragmatics. – Amsterdam, 1982. – P. 201-223.
97. Wales 2001 Wales K. A Dictionary of Stylistics. 2nd edition. – London: Longman, 2001.
98. Weber J.-J. The Stylistics Reader: from Roman Jakobson to the Present. – London: Arnold, 1996
99. Wunderlich D., Kaufmann I. Lokale Verben und Präpositionen - semantische und konzeptuelle Aspekte // Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik. - Opladen, 1990. - S. 223-252.